

ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Т. Шашков

НАЧАЛО ПРИСОЕДИНЕНИЯ СИБИРИ

С давних времен пушные богатства «стран полуночных» привлекали к себе внимание соседей. Уже в эпоху раннего Средневековья с жителями Северного Приуралья и Зауралья вели меновую торговлю через Волго-Камский речной путь сначала хазарские, а затем болгарские купцы, используя в качестве посредников предков коми-пермяков¹. С XI в. сюда, в земли загадочной югры, стали прокладывать собственные северные маршруты предприимчивые новгородцы, добравшиеся в XIV в. до берегов Оби². В XII – начале XIII в. взять под свой контроль «Великий меховой путь» стремились и владимирско-суздальские князья. Однако процесс их проникновения в Прикамье был на многие годы прерван монгольским нашествием, кардинально изменившим политическую карту Евразии.

Уже в начале XIII в. южные районы Западной Сибири вошли в состав улуса Джучи, старшего сына Чингис-хана. Впоследствии эти земли, включая Кулундинские и Барабинские степи, а также долины Иртыша, Ишима и Тобола, являлись владениями младшего сына Джучи Шейбана (Шибана) и его потомков. Как известно, кровавая междоусобица 60–70-х гг. XIV в. в Золотой Орде (так называли поздние русские источники державу Джучидов) завершилась приходом к власти хана Тохтамыша (происходил из рода Туга-Тимура, одного из сыновей Джучи), сумевшего на время объединить распавшееся государство. В 80–90-х гг. XIV в., в период войны Тохтамыша с грозным правителем Средней Азии и Ирана эмиром Тимуром, Шейбаниды выступали на стороне золотоордынского хана. Многие представители этого рода сложили свои головы в боях. В 1399 г. в битве на р. Ворскле Тохтамыш вместе со своим союзником, великим князем Литовским Витовтом, был разгромлен новым военным правителем (беклярибеком) Золотой Орды мангытским эмиром Едигеем, властвовавшим здесь от имени марионеточных ханов³. Тохтамышу пришлось бежать за Урал, где он создал новый улус и, помирившись с Тимуром, попытался вернуть власть в Золотой Орде. Это предприятие успехом не увенчалось: в 1406 г. Тохтамыш погиб в битве с Едигеем под Тюменью (Чимги-Турой)⁴.

Во время начавшейся после этого борьбы Едигея с сыновьями Тохтамыша в восточных улусах правили ставленники эмира. Одним из последних, кого приблизил к себе всеильный временщик, был шейбанидский царевич Хаджи-Мухаммед, которого Едигей обещал сделать золотоордынским ханом. Однако в 1419 г., во время сражения на Яике с ханом Кадыр-Берди, последним из сыновей Тохтамыша, Едигей погиб. Хаджи-Мухаммед, бившийся на его стороне, сумел спастись. В 1421 г., опираясь на помощь Мансура, сына Едигея, он провозгласил себя в Тюмени ханом Шейбанидского улуса⁵.

Почти сразу же после прихода к власти Хаджи-Мухаммеду пришлось вести борьбу с появившимся в его владениях царевичем Бараком, который был одним из потомков Орду-Ичена, (старшего сына Джучи), правивших в Синей Орде (его отец Куюрчак, сын Урус-хана, занимал некоторое время золотоордынский престол). Изгнанный на запад Барак вскоре вернулся, сумел в 1425 г. захватить Шейбанидский улус и объявил себя ханом. Одержав победу над Тимуридами и возвратив Сыгнакскую область, принадлежавшую его предкам, Барак через три года был убит Хаджи-Мухаммедом. После этого права Хаджи-Мухаммеда на власть в Шейбанидском улусе стали оспаривать его дальние родственники, среди которых наиболее известным и деятельным был юный царевич Абулхайр. Невзирая на первоначальные неудачи, Абулхайру, опиравшемуся на поддержку бека Ваккаса, внука Едигея, удалось в 1430 г. захватить Тюмень. Попавший в плен Хаджи-Мухаммед был казнен. Став таким образом ханом, Абулхайр объединил под своей властью весь Шейбанидский улус. Впрочем, это продолжалось недолго: в том же году родственники казненного Хаджи-Мухаммеда вытеснили Абулхайра на юг. Ханом они провозгласили Махмуда (Махмутека), сына Хаджи-Мухаммеда. Столицей его улуса вновь стала Тюмень. После смерти Махмуда престол перешел к его брату Сейиду. Что касается Абулхайра, то на юге ему повезло больше: разгромив Хорезм и утвердившись в Дешти-Кыпчаке, он стал верховным ханом созданного им Узбекского улуса (в те времена оседлые жители Средней Азии называли узбеками своих северных соседей-кочевников)⁶.

После смерти в 1468 г. Абулхайр-хана Узбекское государство быстро пришло в упадок. Против его наследников выступил тюменский хан Ибак (Ибрагим), сын Махмуд-хана. В междоусобную войну шейбанидских ханов на стороне Ибака, помимо казахского хана Джанибека, вмешались князь (бий) Ногайской Орды Аббас, сын Нураддина, и его племянники, дети Ваккаса, мстившие за убийство Абулхайр-ханом их отца, а также Ахмад, хан Большой Волжской Орды. В 1469–1471 гг. узбеки

были разгромлены и вытеснены из казахских степей в Среднюю Азию, где они впоследствии создали новое государство.

* * *

Тем временем Москва, стремительно укреплявшая собственные позиции в Северо-Восточной Руси, начинает распространять свое влияние и на Приуралье, используя для этого все средства. Так, с 1379 г. к миссионерской деятельности среди коми-зырян в Перми Вычегодской приступает ростовский монах Стефан Храп, родом из Устюга Великого. С его именем связано создание древнепермской азбуки, перевод на коми-зырянский язык Евангелия, открытие школы для зырянских детей. В 1383 г. Стефан стал первым епископом учрежденной здесь Пермской епархии с центром в городке Усть-Выме, построенном на месте разрушенного им языческого святилища⁷.

Во второй четверти XV в. Московское княжество было охвачено феодальной войной. Воспользовавшись этим, новгородцы в очередной раз предприняли попытку силой удержать за собой Югорскую землю. В 1446 г. многочисленная рать воевод Василия Шенкурского и Михайлы Яковля вторглась в Югру. Укрепившись в наскоро построенном остроге (здесь расположилась часть войск во главе с Василием Шенкурским), новгородцы стали совершать опустошительные рейды по окрестностям, захватывая в плен югричей вместе с их женами и детьми. Югорские князья приступили к длительным переговорам, обещая собрать богатую дань. «А в то время скопившеся и удариша на острог Василия, и много людей, детей боярских и удалых людей, избиша – человек на 80». Вскоре вернулся из рейда воевода Михайла Яковль; «виде острог разорен, а своих побитых, а иных разбегшихся», он с трудом собрал остатки скрывавшегося в лесах отряда Василия Шенкурского, после чего отправился домой⁸. Так бесславно закончился последний поход новгородцев в Югру.

Во время феодальной войны в Московском княжестве Пермь Вычегодская выступала на стороне Василия II Темного, за что эти земли подверглись в 1451–1452 гг. погрому вятчан, союзников Дмитрия Шемяки. Чтобы укрепить здесь свое влияние, Василий II назначил сюда в начале 50-х гг. XV в. своих наместников из представителей аборигенной знати – принявших крещение князя Ермолая и его сына Василия, передав им в наследственное владение Вымскую землю (позднее, в 1480 г., Василия убьют недовольные его правлением вымичи, а титул и положение князей Вымских унаследуют его сыновья Петр и Федор). Одновременно в качестве князя-наместника был направлен в Пермь Великую Михаил, старший сын Ермолая, резиденцией которого стала Чердынь⁹.

Для упрочения на новых землях своего влияния Москва вновь попыталась использовать христианство: в 1455 г. к крещению коми-пермяков приступил приехавший сюда пермский епископ Питирим. Однако в том же году на Пермь Великую напало из соседнего Пелымского княжества вогульское войско, возглавляемое князем Асыкой. Устроив здесь погром, «безвернии вогуличи» двинулись с верховьев Камы на Вычегду, где убили возвращавшегося из земли коми-пермяков Питирима, а также разорили городок Усть-Вым и близлежащие волости¹⁰. С этого времени северо-восточная окраина Русского государства становится из-за пелымских набегов местом крайне беспокойным.

Какое-то время московским властям было не до дальнего пограничья. Но в 1462 г. только что ставший великим князем Московским и «вся Руси самодержцем» Иван III, мстя черемисам (марийцам) и казанским татарам за их набег на Устюжскую землю, послал «рать на черемису». Великокняжеские воеводы с отрядами устюжан, вологжан и галичан прошли на судах «к Вятке, по Вятке вниз, а по Каме вверх в Великую Пермь»²¹. Этот рейд московских войск к предгорьям Северного Урала носил разведочный характер. В том же году пермский епископ Иона вновь приступил к крещению коми-пермяков.

А в начале 1465 г. устюжанину Василию Скрыбе было велено великим князем «Югорскую землю воевати». В этом походе, помимо московских и устюжских служилых людей, приняли участие «хотячие люди» (добровольцы), а также вымский князь Василий Ермолич «с вымичи и вычегжаны». Поднявшись по Вычегде и Сыsole до верховьев Камы и перейдя через Уральские горы Вишерско-Лозьвинским путем, ратники Скрыбы «Югорскую землю воевали, и полону много вывели, и землю за великого князя привели». В ходе боев в плен попали югорские (очевидно, лозьвинские) князя Калба и Течик, которых доставили в Москву. «И князь великий их пожаловал югорским княжением и отпустил их в Югру, и на них дань возложил и на всю землю Югорскую»¹².

Таким образом, в отношении югричей был использован характерный для московских властей прием, когда представители аборигенной знати «жаловались» их же собственными землями с одновременным возложением на них обязанностей по сбору дани в великокняжескую казну.

Удаленность Перми Великой от Москвы и ее пограничное положение заставляли князя Михаила Ермолича проводить собственную политику, лавируя между своим формальным сюзереном и Казанью, центром нового поволжского ханства, стремившегося поставить под свой контроль прикамские земли. Так, в 1467 г. небольшой вятско-

пермский отряд совершил независимо от Москвы удачный набег на пельымские владения. Его участникам удалось даже захватить в плен князя Асыку, которого они, однако, «от Вятки упустили». А когда, по некоторым сведениям, брат Ивана III князь Юрий собрался в поход на Казань, пермяки отказались в нем участвовать. При этом они «за казанцев задались», купцам казанским «почести воздавали», а «людем торговым великова князя грубили»¹³.

Одержав в 1471 г. победу над новгородцами в битве при Шелони, Иван III решил навести порядок и в Прикамье. Посланные сюда в 1472 г. рати князя Федора Пестрого Стародубского и Гаврилы Нелидова «повоевали» Пермь Великую и привели ее к покорности. Опорным пунктом русской колонизации здесь стал городок Покча, поставленный при впадении одноименной речки в Колву¹⁴. Позднее политический центр Перми Великой вновь переместился в Чердынь.

* * *

Исследователи не раз отмечали то обстоятельство, что в своей внешнеполитической деятельности Иван III умело играл на противоречиях между татарскими государствами – обломками Золотой Орды. Весьма показательными в этом отношении стали события 1480 г., когда Московская Русь вступила в открытую конфронтацию с Ахмадом, ханом Большой Волжской Орды. Заручившись поддержкой крымского хана Менгли-Гирея и используя враждебность по отношению к Ахмаду тюменского хана Ибака, Иван III одолел своего врага в знаменитом «стоянии на Угре». Одновременно крымские татары совершили набег на владения польско-литовского короля Казимира IV, являвшегося союзником Ахмада, а тюменский хан совместно с ногаями разгромил ослабленную Орду самого Ахмад-хана, который был убит Ибаком в начале 1481 г. (в нападении на ставку Ахмада, располагавшуюся на Северном Донце, принимали участие «шурья» Ибак-хана – ногайские мирзы Муса и Ямгурчей)¹⁵. В результате этого значительная часть Нижнего Поволжья на какое-то время попала под власть Тюмени.

Тогда же тюменский хан попытался переместить направление пушной торговли на древнюю магистраль, минующую Волгу и Каму, переведя в Зауралье кочевую летнюю ставку (орда-базар) вместе с корпорацией ордынских купцов. Во время движения торгового каравана к Тюмени на него напали на Каме «шилники» (ушкуйники) устюжанина Андрея Мишнева и, перебив охрану, подвергли купцов погрому¹⁶. Тем не менее караванный путь, еще в конце I тыс. до н.э. связывавший Поволжье с государствами Средней Азии через лесостепное Зауралье, был усилиями хана Ибака восстановлен.

После гибели Ахмад-хана Ибрагим-Ибак стал претендовать на главенство среди джучидских ханов. Для этого у властителя Тюмени имелись некоторые основания: его признавали своим «царем» влиятельные мирзы Ногайской Орды, и даже хан Казани находился в определенной зависимости от него. Однако это не устраивало Ивана III, обеспокоенного чрезмерным усилением своего бывшего союзника.

Косвенным поводом для демонстрации силы «тюменскому царю» стали события 1481 г., связанные с очередным набегом его вассала, пельымского князя Асыки, на Пермь Великую. Вогульское войско осадило Чердынь, сожгло Покчу и разорило окрестные волости. Князь Михаил Великопермский и несколько его сыновей были убиты. И лишь вмешательство ушкуйников уже упоминавшегося Андрея Мишнева, разгромивших воголов под Чердынью, изменило ситуацию¹⁷.

Весной 1483 г. Иван III послал «крать на Асыку на вогульского князя, да в Югру на Обь великую реку», возглавляемую князем Феодором Курбским Черным и Иваном Салтыком Травиным. Пройдя Вишерско-Лозьвинским путем за Урал, она нанесла удар по Пельымскому княжеству (Юмшану, сыну Асыки, удалось с остатками своего войска спастись), после чего по Тавде, Тоболу и Иртышу устремилась на Обь. Захватив по дороге «в полон» несколько югорских князей, воеводы вернулись на Русь. Следствием этого стало заключение при посредничестве пермского епископа Филофея в конце 1484 г. Усть-Вымского мира (в этой процедуре, помимо «владычных» людей, участвовали ходившие с русской ратью за Урал вымские князья, а также мирившиеся с ними князья обдорские, казымские и кодские) и приезд в Москву в 1485 г. с выражением покорности пельымского князя Юмшана¹⁸. С этого же времени Иван III стал именовать себя «князем Югорским».

Оценивая этот рейд, Р.Г. Скрынников писал: «Поход в Зауралье не привел к войне между Россией и Тюменским ханством. Иван III и царь Ибак вели борьбу с Большой Ордой, а потому избегали столкновений между собой»¹⁹. Сходное мнение высказал по этому поводу и А.И. Плигузов²⁰. Основанием для такого вывода послужила фраза из Архангелогородского летописца о том, что великокняжеские воеводы шли «вниз по Тавде реце мимо Тюмень в Сибирскую землю»²¹. Однако самое раннее известие об этих событиях, содержащееся в одном из рукописных сборников того времени, напрямую сообщает о том, что русские ратники «побиша много татар Тюме[н]ских»²².

Вскоре хан Тюмени получил от Москвы еще одно предупреждение: в 1487 г. русские войска взяли Казань, пленили «царя» Алегама (Али-хана), являвшегося союзником Ибака, и посадили на казанский

престол московского ставленника Мухаммед-Эмина²³. В связи с этим в ноябре 1489 г. к Ивану III в Москву прибыло посольство в составе «базарьского князя» Чумгура, представлявшего интересы хана Ибака, Адыка, человека ногайского мирзы Мусы, а также Тувача, выступавшего от имени мирзы Ямгурчя. Кроме того, с ними приехали еще два посла: Бележ, слуга Салтыным, жены Ямгурчя, и Ельякшей, отправленный старшим сыном Ямгурчя мирзой Алачем. «Брат мой Алегам царь, – писал в своем послании московскому государю Ибрагим-Ибак, – по случаю в твоих руках стоит. Со мною впрок захочешь братом быть, брата моего ко мне отпусти; ко мне его не всхошь пустити, и ты его на ево вотчину отпустишь; ино то мне таково ж братство будет». Ногайские мирзы, «шурья» Ибака, просили в свою очередь Ивана III отпустить их родственников, попавших в плен во время военных действий при взятии Казани. Великий князь не только ответил на это отказом, но даже взял под стражу одного из ногайских послов, Тувача, ссылаясь на то, что сторонники Алегама, «которые от нас бегают, Алказый, да Тевекель Сеит, да Касым Сеит, да Бегиш с сыном с Утешом и иные их товарищи», нашли убежище у хана Ибака и ногайских мирз и вместе с родственниками Тувача «и с иными людьми с Ямгурчеевыми землю Магмет Аминову цареву (т.е. нового казанского хана. – *А.Ш.*) и нашу воевали, грабили, да и головы в полон поимали». Поэтому он требовал от тюменского хана и его ногайских союзников, чтобы они виновных «велели казнити, а взятое бы велели отдати; и как то дело отправят, а похочет царь с нами братства и дружбы, а мырзы похотят с нами дружбы, и они к нам пришлют своих людей, ино тогда ож даст Бог и то дело будет»²⁴.

В связи с изложением обстоятельств этих переговоров необходимо устранить одну неточность, встречающуюся в исторической литературе. Дело в том, что в свое время К.В. Базилевич отождествил тюменского хана Ибрагима-Ибака с никогда не существовавшим царевичем Ибрагимом, являвшимся якобы родным братом Алегама, которому, по словам исследователя, «удалось бежать из Казани к ногаям»²⁵. Основанием для этого послужила следующая фраза в послании Ибака Ивану III: «Алегама царя ко мне отпустити, *оба одного отца дети* (здесь и далее курсив мой. – *А.Ш.*); один *от них*, на тебя надеяся, к тебе пошол, и ты ся к нему *смиловал*, а нынеча мой брат Алегам царь, что у тебя ныне в руках живет, тебе от того которой прибыток?»²⁶. На самом деле, как это следует из контекста документа, речь здесь идет не о самом Ибрагиме-Ибаке, а о Мухаммед-Эмине. И Алегам, и Мухаммед-Эмин были сыновьями казанского хана Ибрагима, умершего в 1479 г., только первый из них родился от Фатимы, а второй

– от Нур-Султан, ставшей после смерти мужа женой крымского хана Менгли-Гирея. После воцарения Алегама 10-летний Мухаммед-Эмин выехал на Русь и получил здесь от Ивана III в удел Каширу²⁷.

Ситуация в заволжских степях менялась, в зависимости от политической конъюнктуры, достаточно быстро. Первым на уступки пошел ногайский мирза Муса, стремивший породниться с новым властителем Казани (свою дочь он рассчитывал выдать замуж за Мухаммед-Эмина). Но этим планам стал препятствовать Иван III, в связи с чем в августе 1490 г. в Москву прибыло новое посольство от Мусы, предложившего Ивану III военный союз: «кто тебе ратен будет, я рать пошлю; а кто мне ратен будет, и ты мне рать пришли». Тут же были указаны и недруги ногайского мирзы: «Ахматовы дети царевы, Муртоза и Седехмат и их братья». Наследники хана Большой Орды являлись злейшими врагами и великого князя, и его союзника крымского хана, в связи с чем он с радостью согласился на это предложение²⁸. А Мухаммед-Эмину было вскоре дано разрешение на брак с дочерью Мусы, дабы тот ему «прямой слуга и друг был». Что касается другого династического союза – женитьбы Алача, старшего сына мирзы Ямгурчей, на сестре Мухаммед-Эмина, то здесь Иван III решил повременить и понаблюдать, как будут развиваться события в Заволжье²⁹.

Действия великого князя дали результат: между Ибаком и его ногайскими союзниками произошла размолвка. Хан вместе с неприимимым казанским князем Али Газы (Алгазыем) отъехал в Тюмень. Ямгурчей избавился от «лихих людей» и освободил часть пленных. Кроме того, ногайские мирзы признали вместо Ибака своим «царем» чингизида Абдул-Фатта (в русских документах того времени его именовали Абелеком Еменеком; очевидно, речь в данном случае идет об Абу-л-Фатхе Мухаммаде, внуке Абулхайр-хана, принявшим впоследствии поэтическую форму своего родового имени – Шейбани; в начале XVI в. им была создана в Средней Азии Узбекская держава). 23 октября 1490 г. посольство нового «царя» и ногайских мирз прибыло с предложением дружбы в Москву³⁰. На следующий год Муса и Иван III вновь обменялись посольствами³¹. Судя по всему, активность Мусы объяснялась тем, что он, как извещали московского государя из Казани его посланцы, поссорился со своим дядей Аббасом, являвшимся бием Ногайской Орды, и братом Ямгурчеем, которые «послали в Тюмень по Ивака (Ибака. – А. Ш.) по царя, а зовут его к себе»³².

Между тем крымский хан Менгли-Гирей предложил ногаям совместный поход «на своих недругов, на Ахматовых детей». К этому союзу примкнули Ибак, которого ногайские мирзы вновь признали

своим «царем», и его брат Мамук, а также казанский хан Мухаммед-Эмин. Этот альянс был весьма непрочным: объясняя весной 1492 г. «большому брату» Менгли-Гирею свое неучастие в военных действиях против «Ахматовых детей», Мухаммед-Эмин указывал, что он вынужден заниматься обороной собственных владений, поскольку Ибак с Мамуком и Муса с Ямгурчеем «ежелет на меня войною приходят»³³.

Во время военных действий в 1492–1493 гг. тюменские и ногайские татары разорили Нижнее Поволжье, взяли и разграбили Астрахань. Почувствовав силу, Ибрагим-Ибак осенью 1493 г. вновь прислал к Ивану III своего посла Чумгура с грамотой. В ней он напоминал, что «промеж Ченгысовых царевых детей» его предок Шибан находился с русскими князьями в особых отношениях, «и друг и брат был». Сложилась предпосылка для добрых отношений и сейчас: «Ино мне счастье дал Бог, Тимер Кутлуева сына убивши (имеется в виду убийство Ахмад-хана. – *А. Ш.*), Саинский есми стул взял (т.е. Батыев; Саин-хан, что означает «добрый царь», – один из эпитетов в титулатуре Бату-хана. – *А. Ш.*); да еще сам с братьями и с детми условившыся, а великого князя детей на княженье учинив (речь идет о Мусе и Ямгурчее, сыновьях бывшего правителя Ногайской Орды Ваккаса. – *А. Ш.*), на отцов юрт к Волзе пришед стою». Однако для дальнейших дружеских отношений, писал Ибак, московский князь должен отпустить к нему Алегама. В своем ответе Иван III выразил желание иметь с Ибаком «братство и дружбу», однако о пленном казанском хане не обмолвился ни словом³⁴.

В то время как в Москве принимали Чумгура, его господина, судя по всему, уже не было в живых. Об этом свидетельствует присланная Ивану III в ноябре того же года Мухаммед-Эмином грамота мирзы Мусы, адресованная крымскому хану Менгли-Гирею. В ней говорится о последних военных неудачах («летось на недруга есмя ходили, Бог нам пособново пути не сотворил»), а Ибрагим-Ибак упоминается в прошедшем времени («Ибраим царь брат был»). В связи с этим и Муса, и его брат Ямгурчей, грамоту которого также прислал в Москву Мухаммед-Эмин, обращаются к крымскому хану с просьбой стать их «царем» и покровителем³⁵.

Обстоятельства гибели Ибак-хана известны из памятников сибирского летописания XVII в., отразивших так называемую Тайбугидскую легенду. На ее происхождении следует остановиться особо.

* * *

Как известно, в державе, созданной Чингис-ханом, существовали свои принципы престолонаследия. Законные права на ханский титул и

власть как в коренных монгольских землях, так и в отдаленных улусах, имели только чингизиды – прямые потомки по мужской линии четырех сыновей грозного завоевателя, родившихся от его первой жены Бортэ: Джучи, Угэдэя, Чагатая и Тулуя. Поэтому в Джучиевом улусе даже такие могущественные властители, как беклярибеки Мамай и Едигей, не принадлежавшие к «золотому роду» Чингис-хана, вынуждены были править от имени марионеточных ханов-чингизидов.

Эта традиция была незыблемой, в связи с чем владетельные беки и эмиры, не имевшие возможности претендовать на ханский титул, нередко придумывали для укрепления своего авторитета собственные родословные легенды. Так, например, по указанию Нураддина, младшего сына Едигея, который являлся одним из создателей Ногайской Орды, была составлена легендарная генеалогия его отца³⁶.

Имели свою родословную легенду и сибирские беки «Тайбугина рода», создавшие в конце XV в. собственное государство на Иртыше и правившие здесь до 1563 г. В соответствии с этой легендой, основателем рода сибирских беков был некий Тайбуга, сын «царя Она», убитого узурпатором по имени Чингис, имевшим низкое происхождение («от простых людей»). В исторической литературе неоднократно высказывалось мнение о том, что прототипом «царя Она» являлся предводитель монгольского племени кэрэитов Тогрул (Тоорил), более известный под именем Ван-хана. Друг и союзник боровшегося за власть Тэмуджина (будущего Чингис-хана), он впоследствии стал его врагом и погиб в 1203 г. В средневековых европейских легендах Ван-хан, исповедовавший, по некоторым сведениям, несторианство, превратился в знаменитого пресвитера Иоанна (попа Ивана). Его реальный сын Сангун был убит уйгурами вскоре после смерти самого Ван-хана. Поэтому есть основания считать, что Тайбуга – это вымышленный персонаж, имя которого произошло от аналогичного по звучанию монгольского княжеского титула.

В самой легенде место событий перенесено на берега Ишима. Чудом спасшегося Тайбугу убийца его отца позднее «честью великою почти... и нарече его под собою первым князем, и дарует ему в людех своих власть». После этого «царь Чингис» дает Тайбуге войско и посылает его завоевывать земли по Иртышу и Оби, населенные «чудью». Возвратившись с победой, Тайбуга просит своего повелителя отпустить его туда, «где он хочет», и, получив разрешение, отправляется «со своим домом на реку Туру», где создает «себе град Чимги» («на том месте, – поясняет летописец, записавший эту легенду, – град Тюмень»). После смерти Тайбуги «во граде Чимги... княжил его сын Ходжа, по сем Ходжин сын Мар».

1268320

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Уральского Госуниверситета

г. Екатеринбург

Далее в легенде говорится, что «Мар женат был на сестре казанского царя Упака». Под Упаком здесь, несомненно, подразумевается тюменский хан Ибак. «Сей же казанской царь Упак зятя своего Мара уби и градом облада и владе много лет. А Маровы дети Адер и Обалак умре своею смертью. А у Адера остася сын Мамет», который, мстя за смерть деда, убил Упака и, разрушив «град Чимги», перенес свою столицу, названную Сибирью, на Иртыш. «Оттоле ж и вся та страна прозвася Сибирь... По князе же Мамете княжил на Сибири Абалаков сын Агиш. По нем же Маметев сын Казый. По нем же Казыевы дети Едигер, Бекбулат, которых побил царь Кучюм. Бекбулатов же сын Сейдяк»³⁷.

В связи с этой легендой необходимо вспомнить известную грамоту царя Федора Ивановича, посланную в 1597 г. хану Кучуму, где, в частности, говорится, что «после деда твоего Ибака царя были на Сибирском государстве князи Тайбугина роду: Магмет князь, а после него Казый князь, а после Казыя Едигер князь»³⁸. Приведенная в грамоте последовательность сибирских князей в целом совпадает с данными Тайбугидской легенды в ее летописном варианте. Косвенным образом это указывает на какой-то их общий источник, что позволяет высказать следующее предположение. Первым, кто зафиксировал в письменном виде Тайбугидскую легенду, был хорошо знавший татарский язык участник сибирской экспедиции Ермака казачий атаман Черкас Александров³⁹. Его информатором, по всей видимости, являлся бек Сейид-Ахмат (Сейдяк), последний представитель династии Тайбугидов, плененный осенью 1587 г. служилыми людьми тобольского воеводы Данилы Чулкова и отвезенный вскоре после этого в Москву. Здесь, в Посольском приказе, он мог еще раз изложить легенду своего рода. А Черкас Александров, являвшийся, как об этом будет сказано ниже, автором самого раннего произведения, посвященного истории завоевания Сибири, включил эту легенду в свое повествование.

Следует также отметить, что Г.Ф. Миллер, побывавший в 1741 г. в Тюмени, записал два местных предания о происхождении ее названия. Согласно первому из них, «здесь в давние времена жил могущественный татарский князь, имевший до 10 000 подданных»; согласно второму, «татарский князь, живший здесь, однажды из заносчивости велел заполнить все расселины Тюменки своими стадами скота», которого после подсчета оказалось 10 000 голов. Сам же историк, исходя из древнего названия города – Чимги-Тура, высказал предположение, что Чимги «было именем того татарского князя, который имел здесь свою резиденцию»⁴⁰.

Если принять за основу последнюю версию, то можно предположить, что некий «темник» (командир десяти тысячного отряда) по имени Чимги, носивший титул тайбуги, являлся не только основателем города Чимги-Тура (Тюмени), но и родоначальником сибирских беков. Его потомки, вынужденные уступить свой город ханам из Шейбанидской династии, обосновались в 32 верстах выше по Туре. Остатки их крепости, известной как Мемет-Тура (очевидно, называлась так по имени ее последнего владельца бека Мамета, или Мухаммеда, убитого в 1493 г. тюменского хана Ибака), еще видел в 1741 г. все тот же Г.Ф. Миллер⁴¹.

После смерти Ибака тюменским ханом стал его брат Мамук. Он, а потом его племянник Кутлу-Султан, сын Ибака, еще какое-то время сохраняли свою власть в Зауралье. При этом тюменские Шейбаниды не оставляли надежды на восстановление своего главенства среди татарских государств.

Так, уже в 1496 г. Мамук-хан сумел захватить Казань, но после неудачной осады Арского городка был изгнан оттуда местными князьями при помощи русских войск. По дороге домой он умер⁴². В 1500 г. безуспешную попытку овладеть Казанью предпринял его брат Агалак⁴³. Последним известным деянием тюменских ханов стал набег Кутлу-Султана на русские владения в Перми Великой весной 1505 г. После осады городка Покчи (в связи с пожаром в Чердыни, случившемся за год до этого, он на некоторое время стал столицей края) отступающее татарское войско, разорившее перед этим Соль Камскую, было застигнуто русской судовой ратью на «перевозе» между Сылвой и Уфой. Татары, отягощенные добычей и пленными, были разбиты, а их арьергардные отряды уничтожены⁴⁴. После этого шейбанидские ханы еще какое-то время удерживали Тюмень и окрестные территории, а потом вновь ушли в Заволжье. Их земли были частично присоединены к новому татарскому государству со столицей на Иртыше. Город Тюмень, не сумевший возродиться после его разгрома Мухаммедом Тайбугидом, был окончательно оставлен своими жителями.

* * *

Тем временем Московское государство продолжало укреплять свои позиции на северо-восточных окраинах. В 1499 г. из поставленного в низовьях Печоры Пустозерского острога двинулся в зимний поход более чем четырехтысячный экспедиционный корпус под командованием князей Семена Курбского (сына Федора Черного) и Петра Ушатого. Большая его часть, преодолев горные перевалы Северного

Урала, подвергла погрому земли ляпинских югричей на Сыгве и Северной Сосьве, а небольшой отряд, возглавляемый Василием Гавриловым Бражником-Заболоцким, нанес новый удар по Пелымскому княжеству. К весне 1500 г. обе рати с богатой добычей и большим количеством пленных вернулись на Русь⁴⁵. После этого похода к титулу московского государя прибавились новые слова – «князь Кондинский и Обдорский».

А возникшее на обломках Тюменского ханства государство Тайбугидов постепенно набирало силу. Для постройки своей новой столицы, города-крепости Сибири, бек Мухаммед выбрал место, укрепленное самой природой, – обрывистый береговой мыс Иртыша. Почти со всех сторон город был неприступен. Единственная уязвимая напольная сторона была прикрыта тремя линиями рвов и деревянными стенами с башнями. Внутри крепости располагались дворцы правителей и знати, мечеть, казармы гарнизона. Сибирь была ремесленным центром, в городе находились мастерские кузнецов, оружейников, бронзолитейщиков, ювелиров, кожевников, ткачей, косторезов. Жители занимались скотоводством, земледелием, рыболовством, охотой. Город Сибирь был крупным центром международной торговли. В нем сосредоточивался весь собранный с подвластных территорий ясак, сюда поступали товары, и прежде всего пушнина, из северных югорских княжеств. Для торга в Сибирь приходили купеческие караваны из Средней Азии⁴⁶.

Русские источники XVI в. называли Сибирь «градом», имея в виду прежде всего то, что это был населенный пункт, обнесенный срубными оборонительными стенами, которые отличали его от острога – поселения, защищенного частоколом (тыном). В современном понимании Сибирь, в отличие от Чимги-Туры, не была городом. Ее площадь составляла не более 1,3 г, т.е. примерно равнялась размерам тюменской цитадели – Цареву городищу. Хотя Сибирь и превосходила по размерам многие из известных татарских городков юга Западной Сибири XV–XVI вв., но самым крупным городом она не была, уступая, например, по размерам Вознесенскому городищу (Тон-Тура) на р. Омь (2,4 га)⁴⁷ и городищу Тюменка на оз. Чаны (3 га)⁴⁸.

На Руси о судьбе Тюменского ханства и о государстве Тайбугидов было известно в этот период очень мало. Так, Сигизмунд Герберштейн, австрийский посол, дважды (в 1517 и 1526 гг.) побывавший в Москве, основываясь на местных слухах, продолжал уверять в своих записках, что за Уралом «находится царство Тюмень, государь которого – татарин и на их народном языке называется царем тюменским... и он не так

давно причинил большие уроны государю Московии» (речь, очевидно, идет о набеге последнего тюменского хана Кутлу-Султана на Пермь Великую в 1505 г.). С другой стороны, по его же сведениям, крепостью Тюмень «управляют властелины – князья югорские, платящие (как говорят) дань великому князю московскому»⁴⁹. Из этих сбивчивых сведений можно сделать вывод, что после ухода тюменских ханов из Зауралья часть их владений на Туре оказалась под властью местных вогульских князей.

В первой четверти XVI в. на Руси, очевидно, еще ничего не знали и о появлении новой татарской столицы – города Сибири, хотя о местности с таким названием русские были осведомлены уже давно. По крайней мере, в записках Герберштейна упоминаний об этом городе нет. Впервые он появляется на более поздних картах Московии. Это карта Антона Вида, составленная в 1542 г. по материалам бежавшего в 1534 г. в Литву русского полководца и дипломата Ивана Васильевича Ляцкого, и карта Энтони Дженкинсона, созданная им в результате первого посещения России и Персии в 1557–1560 гг. и изданная в 1562 г.⁵⁰

Территория государства Тайбугидов была значительно меньше прежнего Тюменского ханства. Влияние правителей Сибири распространялось только на оседлое татарское население южной тайги и лесостепи, от Уральских гор до р. Иртыша. В вассальной зависимости от них находились также мелкие остяцкие и вогульские княжества низовий рек Тавды, Тобола и Иртыша. Тюркские племена, кочевавшие в степях, в этот период подчинялись не Сибири, а входили в состав Казахской и Большой Ногайской Орд. В середине XVI столетия в государстве Тайбугидов было 30 700 «черных людей» – взрослых мужчин, плативших дань.

В период русско-казанских войн 1545–1552 гг. правители Сибири участвовали в татарской антирусской коалиции. Так, в 1547 г. отряды сибирских и ногайских татар совершили набег на Пермь Великую. Они дошли до самой столицы края – города Чердыни. Было разорено и сожжено множество деревень, на подступах к Чердыни татары разгромили русский военный отряд, удерживавший здесь заставу⁵¹. Однако вскоре сибирским бекам пришлось думать уже не о набегах на чужие земли, а об обороне собственных владений.

Как известно, в 50-е гг. XVI в. под власть Русского государства перешло все Среднее и Нижнее Поволжье: пали Казанское и Астраханское ханства, а чуть позже признала русское подданство Большая Ногайская Орда. В это же время у южных границ государства Тайбугидов появились отряды царевича Кучума, потомка тюменских ханов.

Он был отправлен для отвоевания владений своих предков верховным ханом Шейбанидов Абдаллахом (Абдуллой II), властителем Узбекского государства в Средней Азии. Кучума также поддержали некоторые из правителей Большой Ногайской Орды. Терпящий поражение за поражением сибирский бек Едигер, внук Мухаммед-бека, решил обратиться за помощью к русскому царю Ивану IV Грозному.

В январе 1555 г. сибирские послы прибыли в Москву. В обмен на военную помощь против Кучума Едигер-бек был согласен стать вассалом русского царя и платить ему дань «со всякого черного человека по соболю». Переговоры с сибирскими беками затянулись почти на три года. Главной причиной этого стали препирательства по поводу размеров дани: Иван IV настаивал на дани в 30 тыс. соболиных шкурок в год, татарские же послы, оправдываясь тяготами шедшей в Сибири войны, старались ее снизить. Наконец в 1557 г. русское правительство утвердило договор, согласившись на ежегодную дань в 1000 соболей, а Иван IV прибавил к своим пышным титулам еще один – «всея Сибирския земли повелитель»⁵².

Однако добровольного и бескровного присоединения Сибири к России не произошло. Началась Ливонская война, поэтому Едигер-бек не получил самого главного, ради чего он шел на принятие русского подданства, – военной помощи. И случилось неизбежное: в 1563 г. отряды Кучума штурмом взяли город Сибирь и сожгли его. Сам Едигер-бек и его брат Бекбулат были убиты.

* * *

Государство, созданное Кучумом после победы над Тайбугидами, не было независимым. Сибирское ханство стало вассальным северным улусом Узбекской Шейбанидской державы, столица которой находилась в Бухаре. Сибирские ханы и не стремились к независимости, так как без поддержки узбекских и ногайских войск они не смогли бы удержаться у власти. В связи с этим верховный хан Шейбанидов мог вмешиваться в их внутренние дела.

С самого начала Кучум вынужден был действовать от имени своего отца Муртазы, объявленного ханом. С 1565 г. сибирский престол занимал старший брат Кучума Ахмад-Гирей. И лишь после его смерти в 1569 г. Кучум наконец-то стал «вольным царем»⁵³.

Бухарский хан требовал от своих сибирских вассалов распространения среди их подданных ислама. Из Средней Азии в Сибирь неоднократно прибывали мусульманские проповедники в сопровождении узбекских воинов. Среди местного татарского населения, у которого

были еще сильны языческие верования, ислам насаждался огнем и мечом⁵⁴.

Кучум был также тесно связан с Алтаульской Ордой, отделившейся в середине XVI в. от Большой Ногайской Орды и находившейся в зависимости от Бухары⁵⁵. Кроме того, он породнился с другими известными ногайскими родами: женил своего старшего сына Алея (Али) на дочери бия Большой Ногайской Орды Дин-Ахмада, а одну из дочерей выдал замуж за влиятельного Ак-мирзу.

Сибирское ханство делилось на улусы, где правили подчиненные хану мирзы и беки. Кроме того, власть ханов распространялась на ряд небольших остяцких и вогульских княжеств. Самыми северными из них были вогульские княжества с центрами в городках Кошуки и Табары на р. Тавде и остяцкое Демьянское (Нимьянское) княжество с центром на р. Демьянке, притоке Иртыша. Севернее находились полунезависимые угорские княжества – Пелымско-Кондинское, Белогорское, Кодское и др. Они уже были скорее не вассалами, а союзниками Сибирского ханства, тесно связанными с ним торговыми отношениями.

Система управления в ханстве была аналогична управлению в других татарских государствах. Верховным правителем был хан, ставка которого находилась во вновь отстроенном городе Сибири. Управление делилось на военное и гражданское. Главнокомандующим армией был кто-либо из членов ханской семьи. Армия состояла из ханской гвардии, набранной из узбекских и ногайских воинов, а также из ополчения, включавшего отряды вассалов – татарских и угорских князей. Гражданским управлением ханства руководил карача (карачей), назначаемый ханом из числа местной татарской знати. Во времена Кучума эту должность занимал Кадыр-Али-бек, казах по происхождению⁵⁶. Он ведал сбором ясака в вассальных улусах и княжествах, рассылая в них сборщиков дани (даруг). Карача при Кучум-хане владел крупным улусом недалеко от города Сибири, в устье р. Тобола. В городке карачи были сосредоточены мастерские по производству панцирей, кольчуг и другого снаряжения для ханского войска.

После захвата Кучумом Сибири прекратилась выплата дани Москве. Уже в начале 1564 г. до русских властей стали доходить слухи о враждебных намерениях новых сибирских правителей: «хвалится деи сибирский салтан Ишибани идти в Пермь войною»⁵⁷. На границах владений Сибири и России стали происходить мелкие стычки. Однако они не переросли в большую войну. Россия, все более увязая в Ливонской войне, не имела достаточных сил и средств для активных действий на востоке. Не желали войны и сибирские ханы, занятые

решением внутренних проблем. А после того как Кучум в конце концов утвердился на престоле, он оказался втянутым в войну со своим южным соседом – ханом Казахской Орды. Поэтому, когда в 1569–1571 гг. возобновились переговоры между Сибирью и Москвой, Кучум решил пойти на мир с обязательством выплаты необременительной дани «по прежнему обычаю» (т.е. как при Едигер-беке – 1000 соболей в год)⁵⁸.

Но в 1571 г. Россия потерпела страшное поражение: войско крымского хана Девлет-Гирея неожиданно прорвало слабые русские заслоны на южных границах, дошло до Москвы и сожгло русскую столицу. Кучум разорвал только что заключенный договор и стал готовиться к войне с Россией. В 1572 г. сибирский хан подстрекал к антирусскому бунту марийцев Поволжья и приуральских вогулов. В 1573 г. в русские владения вторглось сибирское войско во главе с Маметкулом, племянником Кучума. Однако, разорив окрестности строгановского Нижнечусовского городка, оно повернуло назад⁵⁹. И на этот раз большая война не началась. Во-первых, на Кучума произвели впечатление успехи русских войск – разгром крымского хана в 1572 г. в битве при Молодах под Москвой и подавление марийского бунта. Во-вторых, все еще продолжалась война между сибирским и казахским ханами.

Ситуация изменилась к началу 80-х гг. XVI в.: казахский хан Хакк-Назар, враг Кучума, умер, а новый правитель Казахской Орды Шигай-Султан, тесть покойного Ахмад-Гирея, стал его союзником. Это укрепило намерение Кучума открыто выступить против русских. Снаряжая в 1582 г. в поход на Приуралье своего старшего сына Алея, он даже не подозревал, что до разгрома его «царства» остаются считанные месяцы и что поражение ему нанесет небольшой отряд «вольных казаков»...

* * *

Поход Ермака, сделавший решительный шаг в деле присоединения Сибири к Русскому государству, стал одним из самых значительных событий в русской позднесредневековой истории. Вместе с тем, в зависимости от оценки причин и обстоятельств этого похода, возникали и развивались исторические построения, подчас исключаящие друг друга. Споры ведутся учеными и по сей день. Основанием для этого является наличие в имеющихся источниках ряда версий, каждая из которых по-своему изображает историю похода за Урал казачьей дружины.

Так, едва ли не с самого начала в историографии сложились по меньшей мере четыре концепции, отвечающие на вопрос: кто был главным инициатором похода? По одной из них, им являлось государство

(уже в 80-х гг. XVI в. такая трактовка экспедиции Ермака складывается в качестве официальной в Посольском приказе). По другой, ведущая роль в организации похода отводится купцам и солепромышленникам Строгановым (впервые об этом было сказано в Строгановской летописи). По третьей, это было осуществление Божьего промысла (согласно Синодику Ермаковым казакам и Есиповской летописи, Ермак и его дружина действовали в соответствии с предначертанием небесных сил и являлись носителями идеи христианского просвещения иноверческих народов). Наконец, по четвертой, инициаторами похода были сами казаки (это мнение, восходящее к казачьим преданиям, получило отражение в Кунгурской, Ремезовской и других поздних летописях)⁶⁰. Идут также споры о происхождении и жизненном пути Ермака, о дате его гибели, о хронологии и последовательности тех или иных событий, связанных с походом.

Пожалуй, одним из самых запутанных является вопрос о начале экспедиции. Так, ранние тексты сибирского происхождения – Синодик Ермаковым казакам (около 1622 г.) и Есиповская летопись (1636 г.) – относят начало похода к осени 1580 г., а взятие столицы Кучумова «царства» Сибири – к 26 октября того же года⁶¹. Эта датировка стала определяющей для последующих летописных памятников.

Иной хронологии придерживается в этом вопросе автор Строгановской летописи (возникла, судя по всему, в 1630-х гг. в Сольвычегодске): Ермак и его товарищи появились в Приуралье по приглашению Строгановых летом 1579 г., прожили «в городках их два лета и месяца два», 1 сентября 1581 г. отправились в поход, а 26 октября того же года овладели «градом Сибирью»⁶².

В «Истории Сибирской» тобольского сына боярского Семена Ульяновича Ремезова, написанной на рубеже XVII–XVIII вв., утверждается, что после «воровства» в 1578–1579 гг. «на усть Волги реки» казачья ватага Ермака ушла на Каму, где взяла «многие запасы у Строгановых» и двинулась за Урал. Добравшись осенью 1579 г. до «Тагила реки», казаки остановились «в урочище речки Абугая» на зимовку. На следующий год ермаковцы вошли в Туру, воевали здесь летом с местным князем по имени Епанча, а 1 августа 1580 г. «взяша град Тюмень... и ту зимоваша». В мае 1581 г. они с боями двинулись дальше и только лишь 26 октября того же 1581 г. «внидоша во град Сибирь»⁶³. Нетрудно заметить, что, как и в Строгановской летописи, начальный этап сибирской экспедиции Ермака охватывает у Ремезова период с лета 1579 по осень 1581 г., однако наполнен он совершенно иными событиями.

Включенная в состав ремезовской «Истории» «Летопись Си-

бирская краткая Кунгурская», в основе которой, по мнению многих исследователей, лежат подлинные воспоминания участников похода, записанные на Урале, также растягивает начальный этап экспедиции на несколько лет, но дает свой собственный вариант развития событий, содержащий, кстати сказать, хронологические противоречия⁶⁴. Взятие Сибири здесь также относится к осени 1581 г.⁶⁵

Между тем в документальном источнике – знаменитой «опальной» грамоте Ивана Грозного, отправленной Строгановым 16 ноября 1582 г., со слов чердынского наместника Василия Пелепелицына прямо следует, что Строгановы «послали... из острошков своих волских атаманов и казаков Ермака с товарищи воевать вотяков и вогуличь и татар Пельымские и Сибирские места 91 (1582. – *А. III.*) году сентября в 1 день, а в тот же день собрався Пельымской князь с сибирскими людьми и с вогуличи приходили войною на наши Пермьские места и к городу к Чердыню и к острогу приступали...»⁶⁶. Судя по тому, что эта грамота была адресована не только М.Я. и Н.Г. Строгановым, владевшим землями в Прикамье, но и их дяде С.А. Строганову, ее отправили в Сольвычегодск. Именно здесь, в родовом архиве солепромышленников, эту грамоту нашел и включил в свое произведение автор Строгановской летописи⁶⁷.

Возникает вопрос: почему же, располагая этим документом, автор Строгановской летописи передвинул дату начала похода Ермака в Сибирь на год раньше? Здесь может быть лишь одно объяснение: в сольвычегодском архиве он отыскал еще несколько царских грамот (некоторые из них сохранились и были позднее изданы⁶⁸), в которых содержалась информация о том, что 1 сентября («о Семени дни») 1581 г. на пермские владения Строгановых напал пельымский князь и подверг их разорению. Ознакомившись с этими документами, летописец попросту соединил в своем рассказе два разных набега, 1581 и 1582 гг., посчитав их за один и тот же, причем ответ на вопрос, почему во время нападения пельымцев Прикамье, где, по его сведениям, находилась дружина Ермака, оказалось без защиты, он нашел в царской «опальной» грамоте. Не обратив внимания на разницу в датах, которые он тем не менее механически воспроизвел, летописец пришел к выводу, что к моменту прихода в 1581 г. пельымского князя в Приуралье ермаковцев «в городках» уже не было, ибо накануне «тоя же години послаша их Семен и Максим и Микита в Сибирскую землю на Сибирского салтана»⁶⁹.

Независимо от царских грамот 1581–1582 гг., адресованных Строгановым, версию о двух набегах на Верхнее Прикамье – пельымского

князя Аблегирима в 1581 г. и старшего сына Кучума царевича Алея в 1582 г. – содержит так называемый Погодинский летописец, дошедший до нас в единственном списке конца XVII в. Со времени первого издания его текста в 1907 г. этот памятник сибирского летописания, содержащий уникальные сведения о походе Ермака, считался исследователями позднейшей переработкой Есиповской летописи⁷⁰. С этим мнением согласился также Р.Г. Скрынников, выдвинувший предположение, что текст летописца был составлен в конце XVII в. московским книжником, имевшим доступ к архиву Посольского приказа, откуда он и позаимствовал ряд фактов о сибирской экспедиции⁷¹. Однако текстологическое исследование памятника, проведенное Е.К. Ромодановской⁷², позволило сделать вывод о том, что Погодинский летописец восходит к раннему протографу, предшествовавшему Есиповской летописи. Им являлось так называемое казачье «Написание», переданное около 1622 г. первому тобольскому архиепископу Киприану оставшимися в живых ермаковцами. Автором этого протографа, по предположению Е.К. Ромодановской, был уже упоминавшийся выше участник сибирского похода Черкас Александров (Иван Александров сын Корсок по прозвищу Черкас).

Дополнительные изыскания в данном направлении, сделанные автором этих строк, в целом подтвердили, а кое в чем уточнили гипотезу Е.К. Ромодановской. Как удалось установить, текст Погодинского летописца через посредство своего протографа, появившегося после 1636 г., восходит к «Повести летописной», созданной около 1601 г. головой тобольских юртовских татар Черкасом Александровым. С этой же «Повестью» были генетически связаны не только сибирские и приуральские произведения (Синодик Ермаковым казакам, Есиповская и Строгановская летописи), но и памятники общерусского летописания XVII в. Таким образом, за вычетом позднейших редакторских наслоений, которые легко вычлениаются, текст Погодинского летописца является на сегодняшний день наиболее надежным источником по изучаемой теме⁷⁴. Опираясь на него, можно реконструировать хронологию и последовательность событий, содержащихся в «Повести летописной» Черкаса Александрова. Эта реконструкция, дополненная данными других источников, позволяет выстроить следующую версию сибирского похода Ермака.

* * *

В июле 1581 г. в восточной части строгановских владений начался вогульский мятеж, возглавляемый мирзой Бекбелием Агтаговым. Его

участники, подойдя под Чусовские городки и Сылвинский острожек, стали разорять их окрестности, но вскоре были разбиты⁷⁵. Это выступление являлось лишь одним из звеньев в цепи событий, к которым, очевидно, был причастен сибирский хан Кучум: в Среднем Поволжье заволновались «луговые» и «горные» черемисы, а в конце лета того же года, пройдя через «Камень» старой сибирской дорогой по Лозье и Вишере, в Приуралье вторгся союзник сибирского «царя» пелымский князь Аблегириим. Его путь, отмеченный погромами, точно фиксируется челобитной С.А. и М.Я. Строгановых, сохранившейся в изложении грамоты Ивана Грозного от 20 декабря того же года: «...ныне деи девятого (7090, т.е. 1581. – *А.Ш.*) году о Семени дни приходил Пелымский князь ратью, а с ним людей семьсот человек, их де слободки на Койве, и на Обве, и на Яйве, и на Чюсовой, и на Сылве деревни все выжгли, и людей и крестьян побили, жон и детей в полон поимали, и лошади и животину отогнали»⁷⁶.

В том же 1581 г., сообщает Погодинский летописец, в тот момент, когда «пелымской князь Аплыгарым» громил русские поселения в Приуралье, Бог «посла» казаков «победита царя Кучюма и безерменство его», хотя сами они о своей миссии тогда еще не знали. События, которые этому предшествовали, хорошо известны. В середине июля 1581 г. царский посол В.И. Пелепелицын, находившийся в Большой Ногайской Орде у князя Уруса, отправился в сопровождении ногайского посольства с охраной из 300 всадников и торгового каравана бухарских купцов-ордобазарцев в Москву. В первых числах августа на переправе через Волгу под Сосновым островом (в районе устья р. Самары) все они подверглись нападению, в котором принимали участие «казаки Иван Кольцо, да Богдан Борбоша, да Микита Пан, да Сава Болдыря с товарищи»⁷⁷. Этот же погром упоминается со слов чердынского наместника В.И. Пелепелицына, бывшего посла, ограбленного «ворами», и в «опальной» царской грамоте от 16 ноября 1582 г.: «А те атаманы и казаки (отправившиеся «воевати... Сибирские места». – *А.Ш.*) преж того ссорили нас с Нагайскою ордою, послов нагайских на Волге на перевозах побивали, и ордобазарцев грабили и побивали, и нашим людям многие грабежи и убытки чинили»⁷⁸.

Обращает на себя внимание тот факт, что в перечне «воровских» атаманов, ограбивших ногайско-русское посольство и объявленных впоследствии вне закона, нет имени Ермака. Р.Г. Скрынников нашел этому следующее объяснение: с лета 1581 по весну 1582 г. он воевал со своей станицей на фронтах Ливонской войны, после чего соединился на Яике с волжскими казаками, громившими ранее посольство. Отсюда, приняв

предложение М.Я. Строганова о службе в его вотчинах, дружина Ермака отправилась в Приуралье⁷⁹.

Если в самом деле верна гипотеза о том, что «Ермак Тимофеевич, атаман казацкий», упомянутый в письме польского коменданта П. Стравинского в числе тех, кто находился в составе русской рати под Могилевом в конце июня 1581 г.⁸⁰, и покоритель Сибири Ермак Тимофеев по прозвищу Токмак (так именует его Погодинский летописец) – это один и тот же человек, то, учитывая реконструкцию хронологии «Повести летописной» Черкаса Александрова, события кануна сибирской экспедиции можно представить несколько по-иному.

Летом 1580 г. Ермак и его товарищи «отогнали с Волги тысячу лошадей», принадлежавших ногайскому мирзе Урмагмету, убив при этом его «карачая Батугай-баатыря». Весной 1581 г., готовясь к походу на западный театр военных действий, казаки Ермака угнали у того же мирзы еще 60 лошадей⁸¹. 25 июня 1581 г. русский корпус под командованием воеводы князя М.П. Катырева-Ростовского, в составе которого находился и отряд Ермака, переправился в район Могилева и Орши через Днепр. Уже к августу 1581 г. военные действия здесь в основном закончились, а полкам было «велено быти во Ржеве»⁸².

Между тем, еще в начале мая того же 1581 г. московским властям стало известно о нападении на русские владения не только крымских и азовских, но также и ногайских татар. В ответ на эти предательские действия со стороны князя Уруса, «Урмагметя-мирзы и других мирз», правительство Ивана Грозного фактически предоставило волжским казакам свободу действий в отношении ногаев. В результате казацкой вольницы, в которую входили Иван Кольцо и его товарищи, в конце июня – начале июля 1581 г. был сожжен и разграблен Сарайчик – столица Большой Ногайской Орды, располагавшаяся в низовьях Яика⁸³. Одновременно против татар, грабивших русские земли, были направлены воинские части. Очевидно, одной из них являлась и конная станица Ермака, переброшенная с западных границ в Поволжье. В середине августа 1581 г., преследуя ногайский отряд из 600 человек, уходивший с добычей из-под Темникова и Алатыря, ермаковцы вышли к волжской переправе под Сосновым островом, где все еще находилась ватага «вольных» казаков, разгромивших накануне Сарайчик, а потом и ногайско-русское посольство. Зажатые с двух сторон ногаи были разбиты. Вероятно, некоторые из них сумели вырваться из окружения и ушли на Яик. Объединенный отряд казаков верхом на конях бросился за ними в погоню.

Добравшись до Яика, казаки стали решать вопрос: что делать

дальше? Было ясно, что московское правительство не простит им ограбленного на Волге посольства. После долгих споров часть отряда во главе с атаманом Богданом Борбошей осталась в районе Яика, а остальные 540 человек, в том числе атаманы Иван Кольцо, Никита Пан, Матвей Мещеряк, Яков Михайлов и Савва Болдыря, решили вместе с Ермаком уйти в Приуралье. Был конец августа, заканчивался 7089 (1581) г., и казаки это хорошо запомнили⁸⁴.

Как сообщает Погодинский летописец, с Яика ермаковцы перебрались к верховьям Иргиза, а оттуда вышли к Волге. Судя по всему, этот путь они проделали на конях. Уже на Волге казаки пересели в струги, спрятанные на одной из тайных пристаней (возможно, в районе того же Соснового острова), и двинулись вверх по реке, «а из Волги в Каму реку и Камою рекою вверх же». Достигнув устья р. Чусовой, они прошли по ней вверх и свернули на Сылву (согласно Кунгурской летописи, это произошло 26 сентября⁸⁵), где, очевидно, столкнулись с арьергардом Аблегирима и нанесли ему поражение. Наступление зимы казаки встретили в укрепленном лагере на Сылве.

Единственным письменным источником, сообщающим о сылвинской зимовке ермаковцев, является основанная на рассказах очевидцев Кунгурская летопись, в которой говорится: «...и погребли по Сылве вверх и в замороз дошли до урочища, Ермакова городища ныне слово; и идучи у жителей обирали хлеба и запасы и тут зимовали, и по за Камени вогуличь воевали и обогатели, а хлебом кормилися от Максима Строганова. И в поход ходиша на вогуличей 300 человек и возвратишася з богатством в дома своя ...»⁸⁶.

Правдоподобность этого рассказа подтверждается следующими фактами. В сентябре 1581 г., когда воины пелымского князя еще стояли «около Чюсовского острогу», С.А. и М.Я. Строгановы просили царя «их пожаловати, велети им дати ратных людей с Перми Великие»⁸⁷. А спустя месяц или полтора они обратились к нему уже за разрешением набрать «охочих людей» в их вотчинную армию. При этом из контекста их челобитной даже в изложении царской грамоты становится ясно, что они имели в виду какой-то реальный воинский контингент, который собирались использовать в войне против вогулов: «Семен деи да Максим охочих казаков и своими людьми на вогульские улусы без нашего указу войной приходить не смеют». Это наводит на мысль о том, что Строгановым требовалась лишь формальная санкция сверху, которая позволила бы им полулегально взять на службу находящихся в розыске «воров», волею случая оказавшихся на Сылве. Зная крутой нрав царя, солепромышленники прекрасно понимали рискованность данного

предприятия и поэтому лукаво умолчали о том, кого они решили привлечь для обороны своих владений. В итоге Строгановы добились своего: грамотой от 20 декабря 1581 г., адресованной пермским и соликамским старостам и целовальникам, всем земским «охочим людям» разрешалось идти «на их наем». «А которые вогуличи на их (Строгановых. – *А.Ш.*) остроги войною приходят и задоры чинят, – говорилось в той же грамоте, – и на тех бы вогулич приходили, и над ними промысля... войною издосадити, и вперед им (вогуличам. – *А.Ш.*) неповадно воровать». Разрешая военные действия против вогулов, московское правительство выдвигало при этом лишь одно условие – не спровоцировать в результате подобных акций большой войны в Приуралье⁸⁸.

В декабре 1581 г. в Чердынь прибыл также новый наместник – уже знакомый нам В.И. Пелепелицын, сменивший на этой должности князя И. М. Елецкого. Вскоре до него стали доходить известия о том, что делалось в строгановских вотчинах, но до поры до времени он предпочитал об этом молчать, не желая ссориться с могущественными соседями даже из-за обид и оскорблений, нанесенных ему казаками на волжской переправе. Однако, когда в конце лета – начале осени 1582 г. Пермский край оказался-таки охваченным пламенем большой войны, В.И. Пелепелицын, пытаясь выгородить себя, припомнил все. «И то (набег сибирско-пелымской рати. – *А.Ш.*) зделалось вашею изменою, – выговаривалось Строгановым со слов его отписки в «опальной» грамоте, – вы вогуличь и вотяков и пелымцев от нашего жалованья отвели, и их задирали и войною на них приходили, да тем задором с Сибирским салтаном ссорили нас, а волжских атаманов (которые, как следует из контекста грамоты, и осуществляли эти действия. – *А.Ш.*), к себе призвав, воров наняли в свои остроги без нашего указу»⁸⁹.

Но все это будет позднее. А пока ермаковцы совершали из своего сылвинского лагеря зимние рейды по «вогульским улусам», не очень-то заботясь об их последствиях. В то же время Строгановы, получившие в конце января – начале февраля 1582 г. разрешение царя на набор в свою вотчинную армию «охочих людей», все еще откладывали окончательное заключение договора с Ермаком и его дружиной о службе. Решились они на этот шаг только весной.

Согласно Кунгурской летописи, уход дружины Ермака из лагеря на Сылве произошел как раз в это время: «И мая в 9 день dospели обещаением часовню на городище том во имя Николы чудотворца. Овии же поплыша с Ермаком вниз по Сылве до усть Чюсовой, овии ж остася на городиши том с женами и з детми, вечно оселишася»⁹⁰. А в июне казаки уже забирали у Максима Строганова в Нижнечусовском городке запасы

и оружие. Очевидно, летом 1582 г. Ермак побывал также в Орле-городке (Кергедане) – столице камских владений Н.Г. Строганова. Свидетельством этого является скопированная в XIX в. надпись на стволе утерянной впоследствии затинной пищали: «В граде Кергедане на реце Каме дарю я, Максим Яковлев сын Строганов, атаману Ермаку лета 7090 (1582. – А.Ш.)»⁹¹.

Во время зимних рейдов на становища вогулов ермаковцы собрали немало информации о землях, находившихся за «Камнем». Многие им также рассказывали Строгановы и их люди. В результате на конец лета – начало осени, когда после дождей поднимается вода в реках, был запланирован поход на Пелымское княжество, суливший казакам богатую добычу, а Строгановым – спокойствие на границах их владений.

Лето 1582 г. прошло в сборах, а в августе, в самый канун казачьего похода за Урал, «Кучюмов сын Алей пришел войною на Чюсовую». Нападение было совершено по Сылве с выходом на строгановские городки. Вместе с Алеем в набеге участвовал и пелымский князь Аблегиризм, жаждавший реванша. Поскольку ермаковцы «Чюсовой сибирским повоевать не дали», татарско-пелымская рать двинулась дальше, разоряя по дороге русские поселения по Каме, сожгла Соль Камскую, а 1 сентября 1582 г. осадила Чердынь.

Тем временем дружина Ермака переменяла свои планы в отношении похода на Пелым. «И с тех мест, – вспоминал Черкас Александров, – учили оне, Ермак с товарищи, мыслить и збираться, как бы им доитти до Сибирской земли до царя Кучюма». Во второй половине августа того же 1582 г. они отправились вверх по Чусовой, прокладывая свой собственный путь за Урал. Как и в случае с разгромом Сарайчика, волжские казаки решили ответить ударом на удар. А посему главной их целью стала теперь Сибирь – столица «царя Кучюма».

Так начался стремительный и дерзкий поход казачьего отряда Ермака Тимофеевича в Сибирь. Предшествовавшие ему события (погром ногайско-русского посольства на Волге, схватка с ногайским отрядом, уход дружины Ермака с Яика через Иргиз, Волгу и Каму в Приуралье, зимовка на Сылве, приглашение ермаковцев Строгановыми на службу для обороны своих владений от вогульских набегов, подготовка пелымской экспедиции и, наконец, отпор, данный воинству Алея и Аблегиризма на Чусовой) свидетельствуют о том, что главными инициаторами этого похода были не Строгановы и уж тем более не государство, а сами казаки, привыкшие действовать по обстоятельствам. У них не было ни времени, ни возможности двигаться медленно, «с искусом», зимовать на Тагильском волокe или же на Туре. С самого начала это был типичный

разбойничий набег («с возвратом здумали, – отмечается в Кунгурской летописи, – бежать в Сибирь разбивать»)⁹², который неожиданно для самих казаков привел к крушению грозного Сибирского «царства» и в силу различных обстоятельств затянулся впоследствии на целых три года.

Из Чусовой казаки повернули в устье р. Серебрянки, что «пришла от Сибирские страны в Чюсовую реку с правой стороны». Поднявшись по ней, они 25-верстным волоком через перевал «суды на себе волочили» до реки Баранчи и уже по ней поплыли «вниз в реку в Тагил; а Тагилом рекою плыли на низ же в Туру реку», впадающую в Тобол. Выйдя на речной простор, Ермак и его товарищи устремились вниз...

* * *

Сразу же после осады Чердыни В.И. Пелепелицын срочно отправил в Москву отписку, в соответствии с которой 16 ноября 1582 г. Строгановым была послана уже не раз упоминавшаяся «опальная» царская грамота. В ней под страхом сурового наказания повелевалось казачью дружину Ермака немедленно вернуть из похода назад и, разделив на части, разместить в Чердыни, Соли Камской и Нижнечусовском остроге. Одновременно в Пермь Великую направлялись новый наместник Воин Оничков и голова Иван Глухов с небольшим отрядом вятских стрельцов. С наступлением весны 1583 г. соединенными силами, в том числе с участием «волжских казаков атамана Ермака Тимофеева с товарищи», предполагалось нанести-таки удар по Пелымскому княжеству (о войне с Кучумом никто в тот момент даже не помышлял).

Посылая эту грамоту, московские дьяки тогда еще не знали, что стремительный набег ермаковцев на владения «Сибирского салтана» уже коренным образом изменил ситуацию на востоке страны. Разгромив татарскую заставу под Епанчиным городком на Туре, казаки вошли в Тобол и на устье Тавды «изымали татарина именем Таузак, царева Кучюмова двора», от которого получили необходимые сведения о положении дел в Сибирском ханстве. Между тем сам Кучум, узнав о приходе Ермака за «Камень», поначалу не придавал этому большого значения, надеясь, что он «воротитца назат на Часовую». Однако новые тревожные сведения заставили хана срочно собирать воинские силы. «В мале же времени собращась к нему множество татар и остяков, вогулич и инии языцы, яже под его властью». Навстречу казакам был выслан сильный отряд под предводительством ханского племянника Маметкула, а под Чувашевым мысом, на подступах к столице Кучумова «царства», началось спешное строительство засеки и других укреплений.

Тем временем в урочище Бабасан на Тоболе произошло ожесточенное сражение, в котором Маметкул был разбит и бежал, а казаки «поплыша в стругах своих по реке Тоболу к реке Иртышу. Татаровя ж начаша стреляти из-за гор на струги их», но без особого успеха. Близ устья Тобола ермаковцами был разгромлен Карачин улус, после чего флотилия Ермака вошла в Иртыш, где ее уже поджидали на берегу конные и пешие татары. «Казацы ж на берег выскакаша, мужески и храбро на них наступиша» и обратили их в бегство.

После этого настал кульминационный момент казачьего похода: у засеки под Чувашевым мысом расположился «царевич Маметкул со многими людьми и с великим ополчением», а на самом мысу стоял с остальным войском Кучум. Не решившись с ходу на штурм засеки, ермаковцы поднялись вверх по Иртышу, захватили укрепленный городок Атик-мирзы и встали здесь на ночевку. При свете костров и факелов собрался казачий круг, на котором решался вопрос: как быть дальше? С одной стороны, налицо было двадцатикратное превосходство вражеских сил, с другой стороны, возвращаться назад было уже практически невозможно – начинался ледостав. После долгих споров решено было уповать на Бога и на воинскую удачу.

Утром 23 октября 1582 г. «все рустии люди из городка вышли на бой». В яростном сражении у Чувашевской засеки, унесшей немало казачьих жизней, сопротивление татар было сломлено. Раненый Маметкул едва не попал в плен, «но свои его увезоша на он пол реки Иртыша». С ужасом взирал сверху Кучум на истребление своих лучших воинов. После того как его в страхе стали покидать отряды союзных остяцких князьков, и сам он помчался к своей столице и, «взяв мало нечто от сокровищ своих, и вдашась невозвратному бегству со вьсеми людьми. Град же свой Сибирь остави пуст». А 26 октября в него вошли ермаковцы...

Весть о победе русских казаков, одержанной над грозным сибирским властителем, мгновенно облетела окрестности. Уже на четвертый день после взятия Сибири «прииде к Ермаку во град... остяцкой князец имянем Бояр со многими остяки», принесший в дар меха и съестные припасы. Вскоре стали возвращаться в город и семьи бежавших накануне татар.

Около месяца жизнь ермаковцев в бывшей ханской столице была относительно спокойной. Казаки запасались на зиму продовольствием. В начале декабря на Абалакское озеро для рыбной ловли отправилась артель во главе с есаулом Богданом Брызгой. Однако ночью на его стан напал татарский отряд Маметкула. Почти все казаки были перебиты.

Узнав о гибели товарищей, Ермак со своей дружиной кинулся в погоню. В кровопролитном сражении 5 декабря 1582 г. на Абалаке, продолжавшемся несколько часов, татары были разбиты и обратились в бегство. «Ермак же с товарищи во град Сибирь возвратися».

* * *

В конце декабря 1582 г. небольшая (всего из 25 человек) группа казаков во главе с одним из атаманов (им скорее всего являлся Савва Болдыря) была отправлена Ермаком в Москву с «сеунчем» – радостным известием о «Сибирском взятии». В ее составе находился и будущий первый историк Ермаковой экспедиции казак Черкас Александров. Весной 1583 г. «сеунщики» добрались до столицы. Царь Иван Грозный, лично принимавший посольство, повелел их «отписку принять и вычесть перед своим царским лицом», «Ермака же заочно своим государевым жалованным словом похвалил, також и всех ево товарищей атаманов и казаков. А тех сеунщиков пожаловал государь своим царским многим жалованьем, денгами и сукны. И паки государь отпусти их в Сибирь к Ермаку с товарищи, и посла государь Ермаку с товарищи многое свое государево жалованье, сукна и золотые. С ними же государь послал воевод своих...».

Начальником направлявшегося в Сибирь отряда решено было назначить молодого князя Семена Болховского, только что начавшего нести службу в качестве второго воеводы «на Курмыше» (его отцом был «свияжской жилец» князь Дмитрий Иванович Болховский)⁹³. Вместе с ермаковцами и сотней набранных в Подмоскovie стрельцов, которыми командовал голова Иван Киреев, воевода отправился на родину в Свияжск, где взял еще полсотни стрельцов. Прощаясь с семьей, князь Семен не знал, что ему никогда больше не придется увидеть ни годовалого сына Василия, ни только что родившегося сына Михаила...

Из Свияжска Болховский прибыл в Казань. Пополнив здесь свой отряд еще полусотней местных стрельцов, воевода двинулся на суда сначала вниз по Волге, а потом вверх по Каме к Чердыни, где уже с начала зимы 1582 г. находился в ожидании похода на Пелым голова И.В. Глухов с полусотней вятских стрельцов. Согласно замыслу московских стратегов, изложенному в наказе Болховскому, предполагалось, что его отряд, усиленный вятчанами и полусотней пермских стрельцов, которых должен был выделить чердынский наместник В. Оничков, а также полусотней ратных людей, набранных в вотчинах Строгановых, выступит с началом зимы 1583 г. на конях через горные перевалы на помощь Ермаку. На месте, однако, выяснилось, «что в Сибирь зимним

путем на конех пройтить не мочно». Поэтому решено было дожидаться вскрытия рек и идти в поход на судах. Прежний указ Строгановым о формировании в их вотчинах отряда из 50 конников был отменен, зато им царской грамотой от 7 января 1584 г. вменялось в обязанность подготовить к весне под рать Болховского «15 стругов со всем судовым запасом, которые б струги подняли по 20-ти человек с запасом»⁹⁴.

В начале лета 1584 г. воинство князя С.Д. Болховского, «да голов Ивана Киреева да Ивана Васильева сына Глухова, да с ними казанских и свияских стрелцов сто человек, да пермичь и вятчан сто же человек, и иных ратных людей 100 человек», в сопровождении ермаковых «сеунщиков», выступавших в качестве проводников, отправилось на стругах с Камы вверх по Чусовой. Преодолев от верховьев Серебрянки до верховьев Баранчи трудный волок через горный перевал, отряд вышел наконец в Тагил, откуда открывалась речная дорога на Туру, Тобол и Иртыш. На левом тагильском берегу, напротив горы Медведь-Камень⁹⁵, выбрали удобное место для стоянки, которое решено было укрепить. Так появился первый в Зауралье перевалочный пункт русских ратных людей на пути в Сибирь, получивший название Верхтагильского городка. С трех сторон он был защищен рекой, делающей здесь петлю, с четвертой были сооружены вал и ров.

Можно предполагать, что стрельцы Болховского, вынужденные бросить на Тагильском волоке часть судов, оставили здесь по приказу молодого неопытного воеводы значительную долю своих запасов, очевидно, рассчитывая вернуться за ними позднее. По каким-то причинам сделать это не удалось, что и привело в конечном счете к страшному голоду в Сибири зимой 1584/85 г. Для охраны этих запасов воеводой было оставлено несколько десятков человек, составивших первый гарнизон городка, просуществовавшего впоследствии около пяти лет.

* * *

Но вернемся к событиям, происходившим в это время в Сибири. Уже на исходе зимы 1582/83 г. казачья станица, возглавляемая атаманом Никитой Паном⁹⁶, двинулась вниз по Иртышу в ясачный поход. Вернулись казаки назад в начале лета с богатым ясаком, а также с печальной вестью о гибели в одном из боев своего бесстрашного предводителя.

Через некоторое время «прииде во град Сибирь к Ермаку татарин именем Сенбахта», который сообщил ему, что главный полководец Кучума, царевич Маметкул, находится с небольшими силами на р. Вагай, в ста верстах от города вверх по Иртышу. Ермак не преминул этим

атаманом Грозой Ивановым, отправился в Москву, увозя с собой плененного Маметкула, а остатки Ермаковой дружины и вновь прибывшие стали готовиться к зиме. Из-за отсутствия у стрельцов Болховского припасов начался жестокий голод. Умерли как сам воевода, так и почти все его люди. В живых остались только стрелецкий голова Иван Глухов и 90 ермаковцев, среди которых был и последний из их атаманов – Савва Болдыря.

Между тем мещеряковцы, не сумев преодолеть сопротивление пельымских вогулов, возвратились на Тобол, где вновь разделились: некоторые из них вернулись к устью реки и зазимовали на Карачином острове, отказавшись соединяться с теми, кто находился в бывшей столице Кучума, а остальные вместе с Мещеряком ушли прежним путем на Русь⁹⁹.

С наступлением лета 1585 г., «как вода вскрылась», пережившие голодную зиму казаки погрузились на струги и отправились вниз по Иртышу и Оби в обратный путь. Войдя в Сось, они добрались северным «чрезкаменным» маршрутом до Печоры и, спустившись по ней, вышли к городу Пустозерску. Далее их дорога лежала на Москву.

Сразу же после ухода ермаковцев бывшую столицу Кучума занял его старший сын Алей. Однако через некоторое время под ее стенами появилось войско Тайбугида Сейид-Ахмада. Во время разыгравшегося здесь сражения Алей попал в плен, а множество воинов царевича, в том числе семь его братьев, полегли при штурме города. Сейид-Ахмад, вернувший стольный град своих предков и отомстивший за смерть отца и дяди, торжествовал победу.

В этих обстоятельствах казаки, зимовавшие на Карачином острове, вынуждены были покинуть укрепления, которые они в целях безопасности построили здесь, и поплыли на своих стругах вверх по Тоболу с намерением вернуться на Русь. С их уходом завершилась сибирская экспедиция Ермака...

* * *

В конце зимы 1584/85 г. в Москву, ко двору царя Федора Ивановича, был с почетом доставлен с далеких берегов Иртыша знатный пленник – «царевич Сибирской» Маметкул Алтаулович. Он тут же был обласкан, удостоен всяческих почестей и взят на службу (в ноябре 1585 г. племянник Кучума уже участвовал в шведском походе в качестве первого воеводы полка левой руки)¹⁰⁰, а привезшие его ермаковцы во главе со своим атаманом Грозой Ивановым, получив царскую награду – традиционные деньги, сукна и золотые на шапку, – вновь отправились в

Сибирь: их включили в качестве проводников в отряд воеводы Ивана Мансурова, который поздней осенью 1585 г. добрался до Обь-Иртышского междуречья и основал здесь первый русский опорный пункт, получивший название Обского, или Мансуровского, городка.

Самое раннее документальное свидетельство об этом городке появилось уже в наказе приставам Е. Ржевскому и Г. Васильчикову, отправленным для встречи польского посла М. Гарабурды в феврале 1586 г. Здесь, в частности, говорилось, что «поделал государь города в Сибирской земле: в Старой Сибири и в Новой Сибири, на Тюменском городище и на Оби – на усть Иртыша тут город те государевы люди поставили, и сидят по городам и дань со всех тех земель емлют на государя»¹⁰¹.

Нетрудно заметить, что в этом сообщении руководство Посольского приказа кое-что из желаемого выдало за действительное. Так, накануне в Москву северным «чрезкаменным» путем добрались из Сибири остатки дружины Ермака во главе с атаманом С. Болдырей и стрелецким головой И. Глуховым, от которых стало известно о смерти воеводы князя С. Д. Болховского и его людей и об оставлении русскими бывшей столицы Кучума (именно она названа в наказе Е. Ржевскому и Г. Васильчикову Старой Сибирью). Тогда же, очевидно, появились и гонцы от Мансурова, сообщившие о захвате покинутого казаками города Сибири татарами и о появлении русского городка на Оби. Опираясь на эти сведения, московское правительство сразу же разработало план посылки за Урал в начале весны того же 1586 г. отряда из 300 стрельцов, возглавляемого воеводами Василием Ивановичем Сукиным и Иваном Никитичем Мясным, которому предстояло поставить на развалинах бывшей татарской столицы Чимги-Туры русский город Тюмень. В дальнейшем предполагалось восстановление контроля над Старой Сибирью, для чего и было запланировано строительство Новой Сибири (будущего Тобольска).

Следующее документальное известие об Обском городке содержится в царской грамоте, выданной куноватско-ляпинскому князю Лугую в августе того же года. Ему принадлежали тогда шесть городков: Юиль (Сек-телек-уш), Мункос (Мункос-пауль) и Ляпин (Лопынг-уш), стоявшие на протяжении 60 верст на берегу Сыгвы, Сугмут-ваш (Березовый городок) на Северной Сосьве, Куноват (Кун-авот-ваш, т.е. «Городок на высоком мысу»), находившийся на берегу «некоего большого озера, сквозь которое река Куноват течение свое имеет» и, наконец, Илчма (по предположению Г.Ф. Миллера, этот городок «надо искать к западу от Югорского камня», на реке Олеш, или, по-зырянски,

воспользоваться и послал на Вагай «резвых и искусных ратному делу» казаков во главе с молодым атаманом Грозой Ивановым. Ночное нападение на татарский стан завершилось пленением Маметкула, которого доставили в Сибирь.

Успехи ермаковцев привели к стремительному развалу Сибирского «царства». Кучума покинули многие татарские мирзы, в том числе его карача Кадыр-Али-бек, по своей инициативе начавший вскоре войну с русскими. Кроме того, воспользовавшись ситуацией, хану стал мстить за своих убитых родичей появившийся в зауральских степях последний представитель свергнутой в свое время Кучумом сибирской династии Тайбугидов князь Сейдяк (Сейид-Ахмад), сын Бекбулата.

В начале зимы 1583 г. «приишоша к Ермаку от карачи послы», просившие помощи от набегов из Казахской Орды. Поверив их клятвам о том, что казакам не грозит никакая опасность, Ермак отпустил с послами 40 человек «с вогненным боем» во главе с атаманом Иваном Кольцо. Но едва казаки явились в татарские кочевья, всех их предательски перебили. Спустя какое-то время сложил свою голову еще один ермаковский атаман Яков Михайлов. А в начале марта 1584 г. «прииде карача со многими воинскими людьми и облегоша град Сибирь». Осада продолжалась «до пролития воды, до месяца июня», пока ермаковцы, возглавляемые атаманом Матвеем Мещеряком⁹⁷, не сумели нанести татарам поражение, совершив дерзкую вылазку. «Карача ж виде, яко казаков не возмогох одолети», увел остатки своего воинства в степи.

В конце июля 1584 г. Ермак, получивший известие о том, что Кучум не пропускает направляющийся в Сибирь торговый караван бухарцев, отправился с отрядом казаков на стругах вверх по Иртышу. В грозовую ночь с 5 на 6 августа на казачий лагерь, расположенный близ устья Вагая, напали воины Кучума «и побиша всех, только один казак утече». Сам Ермак, пытаясь добраться до отплывшего от берега струга, утонул, «понеже одаян бе железом в пансыре тягче».

Весть о гибели Ермака и его товарищей привела к расколу в рядах оставшихся в Сибири казаков. Часть их, возглавляемая атаманом Матвеем Мещеряком, двинулась в обратный путь на Русь, а остальные решили дожидаться на месте помощи из Москвы. По дороге отряд Мещеряка свернул на Тавду, пытаясь пробиться на Лозьву и Вишеру⁹⁸. Пока казаки воевали здесь с вогулами, мимо по Тоболу проследовали на судах стрельцы князя Семена Болховского.

Прибытие в Сибирь осенью 1584 г. долгожданной помощи вызвало у ермаковцев бурную радость. Когда на реках встал лед, стрелецкий голова Иван Киреев вместе с полусотней казаков, возглавляемых

Илыч, впадающей в Печору, по которой «шла в прежнее время дорога с реки Сосвы на Русь»)¹⁰².

Без малого сто лет, со времен похода в Югру князей С. Курбского и П. Ушатого, русские служилые люди на эти земли не приходили, но память о прошлом была среди югричей еще жива. Поэтому можно понять беспокойство князя Лугуя, лично отправившегося зимним путем в далекую Москву с просьбой к царю Федору Ивановичу, чтобы «тех его городков... ратным людем, которые ныне сидят в городе... на великой реке на Оби, на устье Иртыша, воевать его, и племя его все, и его людей, которые в тех во шти городках сидят, не велети», за что он обязался добровольно платить ежегодную дань в Вымскую землю. «И мы, – говорилось в царской грамоте, – Лугуя князя с теми его городки пожаловали: для того, что он к нам приехал наперед всех бить челом, велели с него имать... с его городков... наши дани на год по 7 сороков соболей лутчих, и привозить ему дань ежегод в Вымь самому, или его братье или племянником, по 7-ми соболей лучших. И нашим воеводам, которые ныне на усть Иртыша на Оби новой город поставили, на Лугуя князя и на его городки наших ратных людем не посылати, и воевати его не велели, и дани на нем и на его городках имати не велели, и поминок и посулов с них не имати». Выданную Лугую и его наследникам грамоту предписывалось «прочитав... по всем нашим городом в Сибирской земле и на Оби на Великой», отдавать им назад¹⁰³.

Обстоятельства возникновения Обского городка хорошо известны из сибирских летописей. Самый ранний рассказ об этом содержится в «Повести летописной» Черкаса Александрова, отразившейся в Погодинском летописце. «И послаша с Москвы воеводу Ивана Мансурова, – говорится здесь, – а с ним семсот человек служилых людем розных городов, казаков и стрелцов». Увидев, что город Сибирь уже захвачен татарами, воевода «не преста ко берегу, и поплыша вниз по реке Иртышу, доплыша же до великой Оби. И бе бо тогда уже осень, и лед в реках смерзаетца. И видя то, яко наставше зима, и повеле на реке Оби на другой стране против иртишъскаго устья постави городок, и зимова тут с войском». Далее Черкасом Александровым приводится эпизод о попытке окрестных остяков «зимним временем» взять городок приступом, закончившейся неудачей после того как метким выстрелом из пушки был вдребезги разбит принесенный ими под городок идол. «А Иван Мансуров, – завершается этот рассказ, – в том городке жил многое время и до весны».

Сам Черкас Александров в описанных событиях участия не принимал, поскольку возвращался в это время с другими ермаковцами северным «чрезкаменным» путем домой. Узнать о них он мог либо в

конце зимы 1586 г. от мансуровских посланцев в Москве перед своей отправкой в составе отряда В.И. Сукина и И.Н. Мясного за Урал для строительства Тюмени, либо уже в Тобольске, который он ставил в 1587 г. вместе с ратниками письменного головы Данилы Даниловича Чулкова. В последнем случае его информаторами также могли являться очевидцы, так как Иван Мансуров, двинувшийся со своим отрядом летом 1586 г. обратно на Русь, оставил, судя по всему, в Обском городке небольшой гарнизон, снабженный необходимым вооружением и продовольствием. Очевидно, именно активные действия этих людей по объясачиванию остяков Нижнего Приобья заставили казымского князя Цынгопа (Сенгепа) по примеру своего соседа Лугуя отправиться зимой 1586/87 г. в Москву и исхлопотать здесь себе аналогичную царскую грамоту¹⁰⁴.

Прямое указание на факт существования в Обском городке мансуровского гарнизона вплоть до 1587 г., т.е. до появления Тобольска, содержится в Строгановской летописи, автор которой, судя по всему, опирался в данном случае на какие-то устные рассказы бывших ермаковцев. Согласно этому памятнику, покинувший Сибирь отряд атамана Матвея Мещеряка отправился домой вверх по Тоболу и на Туре встретил рать Мансурова, к которой и присоединился. Впоследствии, как это следует из летописи, мещеряковцы прибыли из Обского городка в Тобольск и даже приняли участие в пленении князя Сейдяка (Сейид-Ахмата), последнего правителя Старой Сибири¹⁰⁵. Несмотря на ряд фактических и хронологических неточностей (так, с Мансуровым, очевидно, встретились не сам Мещеряк с товарищами, а казаки, ушедшие в конце лета 1585 г. «на Руси» с Карачина острова), этот рассказ заслуживает внимания.

По всей видимости, почти сразу же после основания Тобольска Д.Д. Чулков, имевший в своем распоряжении 500 стрельцов, заменил мансуровский гарнизон новыми годовальщиками, которые продолжили объясачивание местных остяков. В этом им помогали «служилые» кодские князья, находившиеся в особых вассальных отношениях с российской короной.

Обской городок просуществовал с осени 1585 по лето 1594 г., т.е. почти 9 лет, и был ликвидирован по царскому наказу отрядом служилых людей, двигавшимся вверх по Оби для строительства нового города Сургута.

* * *

Проложенная ермаковскими казаками дорога за «Камень» через Тагильский волок просуществовала до конца XVI столетия. По ней шли

в Сибирь отряды русских служилых людей, возводивших один за другим зауральские города и остроги. Но, как уже говорилось, «сначала первой городок поставлен был вверх реки Тагила и назван был Верхтагилской город», о чем сообщает ранняя редакция Сибирского летописного свода, так называемая «Книга записная». Здесь же содержится один любопытный эпизод из начальной истории Верхтагильского городка: «А воевода в нем был с Москвы Рюма Языков. И был у тово воеводы с собою привезен казанской кот большей. И все де ево подле себя держал Рюма. И тот кот спящему ему горло преяде и до смерти заяде в том городке»¹⁰⁶.

Нижегородский сын боярский Рюма Языков известен по документам как стрелецкий сотник, служивший еще в 1567–1568 гг. в Казани¹⁰⁷. Не исключено, что именно он командовал полусотней казанских стрельцов в отряде С.Д. Болховского и был оставлен им в качестве начальника гарнизона в городке на Тагиле.

После нелепой смерти первого тагильского воеводы от клыков большого камышового кота, привезенного им с собой из Казани, новым начальником гарнизона «в Тагилском остроге» стал «голова муромец Григорей Елизаров», впервые упомянутый в этой должности в разрядной книге под 7095 (1586/87) г.¹⁰⁸ Через два года воеводами «на Тагиле» были ржевские дворяне Василий Андреев сын Квашнин, переведенный вскоре в Новгород, и Иван Иванов сын Ордин-Нащокин¹⁰⁹.

Около 1588 г. служилым людям из Тобольска удалось привести к покорности Пелым и Большую Конду, а их князя Аблегирим и Агай, находившиеся до этого в союзнических отношениях с ханом Кучумом, обязались с 1589 г. платить ясак русским. В итоге путь из Чердыни через Вишеру на Лозьву и Тавду стал теперь свободным. В связи с этим тагильскому воеводе Ивану Ордину-Нащокину приказано было перебраться на другое место. За горным перевалом, начинавшимся с верховьев Вишеры, на мысу при впадении р. Ивдель в Лозьву, он приступил к строительству Лозьвинского городка, ставшего отныне не только центром нового обширного уезда, но и главной перевалочной базой на пути в Сибирь: указом царя Федора Ивановича велено было «возити на Лозьву городок хлебные запасы от поморских городов на жалование сибирским ратным людям». Потерявший свое значение Верхтагильский городок был «покинут впусте», а его гарнизон перевели на Лозьву. Через год тагильские стрельцы были заменены устюжскими, прибывшими сюда вместе с князем Иваном Михайловым сыном Вадбольским, отправленным из Вологды. А вскоре здесь появился новый воевода – Иван Григорьев сын Нагой¹¹⁰. В результате всех этих перемен дорога

через Тагильский волок постепенно прекратила свое существование.

Лозьвинский городок был обнесен двойными рублеными стенами с земляной засыпкой (так называемыми «городнями»), имел шестигранные башни по углам, а также был укреплен острогом. В самом городе, помимо воеводского двора и других построек, имелась Троицкая церковь. Близ города была, кроме того, построена первая в Сибири судовой верфь, заведена государева кузница, в казенных житницах и амбарах хранились хлеб, соль, боеприпасы и кладь проезжих торговцев. В зимнее время, перед началом навигации, здесь скапливалось до 900 т различных грузов, более 2,5 тыс. подвод и до 3 тыс. человек временного населения¹¹¹. Сам же гарнизон городка состоял примерно из полусотни стрельцов и казаков. Позднее, в связи с появлением новой «государевой» дороги и строительством Верхотурья, городок на Лозье будет ликвидирован.

* * *

Разгром Кучумова «царства» дружиной Ермака и первые шаги в освоении Сибири русскими служилыми людьми коренным образом изменили общественно-политическую ситуацию в Обь-Иртышском междуречье. Появление здесь Обского (Мансуровского) городка, а вслед за ним Тюмени и Тобольска, позволило довольно быстро обложить постоянной государевой податью (ясаком) местное татарское и остяковогульское население. Сложнее обстояло дело в нижнем течении Оби, ибо «в том месте были многие остяки и самоедь, а нашего ясаку с себя не платили. И ис Тоболска де воеводы посылали к тем остяком и к самоеди тоболских служилых людей для нашего ясаку. И те де остяки и самоедь тоболских служилых людей побивали, а ясаку де нам не платили. А которые де торговые люди еживали с Руси и ис Тоболска в Монгазею со всякими товары, а из Монгазеи к Руси и в Тоболеск, и те де остяки и самоедь торговых людей побивали же»¹¹².

Сложившееся положение требовало от московского правительства дополнительных мер. В результате весной 1593 г. отряд воеводы Никифора Траханиотова заложил близ устья Северной Сосьвы русский город Березов. Летом того же года, подавляя мятеж вогулов, князь Петр Горчаков основал Пелым¹¹³. Через год служилыми людьми под командованием князя Федора Борятинского и головы Владимира Оничкова был построен на Оби Сургут¹¹⁴. Одновременно отрядом князя Андрея Елецкого и письменных голов Бориса Доможирова и Григория Елизарова был поставлен на Иртыше город Тара, а через два года в низовьях Оби появился Обдорский острог, основанный отрядом князя Петра

Горчакова и Александра Хрущева, прибывшим с Руси старой Зырянской дорогой для подавления восстания коренных жителей Березовского уезда¹⁵. В итоге огромная территория Западной Сибири, включавшая Обь-Иртышское междуречье и все Нижнее Приобье, вошла в состав Русского государства.

Всего лишь за двенадцать лет (с 1585 по 1596 г.) за Уральским хребтом появилось, не считая Верхтагильского городка, девять русских городов и острогов, при этом семь из них стали центрами уездов. За это время перестало существовать восстановленное после ухода ермаковцев из Сибири Тайбугидское государство, а хану Кучуму и его союзникам были нанесены сокрушительные удары (впоследствии, в 1598 г., война с сибирским властителем завершилась полным его разгромом в Ирменской битве).

И хотя на данном этапе колонизация Сибири носила ярко выраженный военно-служилый характер, уже создавались предпосылки для массового освоения края русскими крестьянами и промышленными людьми.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989. С. 142.

² См.: Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 107–108; ПСРЛ. М., 1998. Т. 2: Ипатьевская летопись. С. 277; ПСРЛ. М., 2000. Т. 3: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. С. 38, 40–41, 97, 99, 229, 232–233, 339, 342, 457; ПСРЛ. М., 2000. Т. 4, ч. 1: Новгородская четвертая летопись. С. 175–176, 291.

³ Подробно об этом см.: *Греков И.Б.* Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV–XV вв.). М., 1975. С. 223–236.

⁴ См.: ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. С. 236; ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37: Устюжские и вологодские летописи XVI–XVIII вв. С. 82.

⁵ См.: *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизацией... (Из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М., 1996. С. 446–448, 453–454. Город Чимги-Тура известен по письменным источникам по крайней мере с XIV в. Так, уже в каталонском портолане 1375 г. он обозначен как «Singuï» (см.: *Зубков К.И.* Русский путь в Сибирь (опыт геополитического анализа) // Верхотурский край в истории России. Екатеринбург, 1997. С. 5–6).

⁶ См.: *Сафаргалиев М.Г.* Распад... С. 454–462. Иную трактовку этих и последующих событий см.: *Нестеров А.Г.* Государства Шейбанидов и Тайбугидов в Западной Сибири в XIV–XVII вв. Археология и история: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988; *Он же.* Дорусские государственные образования Урала и Сибири (к постановке вопроса) // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. Екатеринбург, 1993. С. 434–436.

⁷ См.: Святитель Стефан Пермский. СПб., 1995.

⁸ ПСРЛ. Т. 3. С. 425; Т. 4, ч. 1. С. 441.

⁹ См.: *Вершинин Е.В.* И еще раз о князьях Вымских и Великопермских // Проблемы истории России. Вып. 3: Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург, 2000. С. 285–305.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 37. С. 89; Вычегодско-Вымская (Михаило-Евтихиевская) летопись // Родники Пармы. Сыктывкар, 1989. С. 26.

¹¹ ПСРЛ. Т. 37. С. 91.

¹² Там же.

¹³ Вычегодско-Вымская... С. 26.

¹⁴ См.: ПСРЛ. М., 2000. Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. С. 148.

¹⁵ См.: ПСРЛ. Т. 37. С. 94–95.

¹⁶ См.: Там же. С. 95.

¹⁷ См.: Вычегодско-Вымская... С. 26; ПСРЛ. Т. 37. С. 95.

¹⁸ См.: ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26: Вологодско-Пермская летопись. С. 275–276; Т. 37. С. 95; *Плигузов А.И.* Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.; Ньютонавилл, 1993. С. 148–150, прим. 25; см. также: *Шашков А.Т.* Первые московские походы за Урал и Усть-Вымский мир 1484 г. // Обские угры: Мат-лы II-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 1999. С. 168–171.

¹⁹ *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1986. С. 83.

²⁰ См.: *Плигузов А.И.* Текст-кентавр... С. 143–145.

²¹ ПСРЛ. Т. 37. С. 95.

²² *Клосс Б.М.* Вологодско-пермские летописцы XV в. // Летописи и хроники. 1976. М., 1976 г. М.Н. Тихомиров и летописеведение. С. 264–266, 270.

²³ См.: *Худяков М.Г.* Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций... С. 564–565; *Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. 2-е изд., М., 2001. С. 178–183.

²⁴ Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымской и Ногайской ордами и с Турцией. Т. 1. С. 1474 по 1505 год. С. 80–85.

²⁵ *Базилевич К.В.* Внешняя политика... С. 182. См. также с. 508, прим. 123, где исследователь признается: «Имя Ибрагима, брата Али-хана, не встречается ни в родословных казанских царей, ни в других источниках, кроме документов, относящихся к сношениям Ивана III с ногаями».

²⁶ Сб. РИО. Т. 41. С. 82.

²⁷ См.: *Худяков М.Г.* Очерки... С. 558–564.

²⁸ Сб. РИО. Т. 41. С. 89–91.

²⁹ См.: Там же. С. 93.

³⁰ См.: Там же. С. 93–97.

³¹ См.: Там же. С. 128–130.

³² Там же. С. 133.

³³ Там же. С. 134, 146–147.

³⁴ Там же. С. 198–199.

³⁵ Там же. С. 207–208. В литературе принято считать, что хан Ибак был убит беком Мухаммедом из «Тайбугина рода» в 1495 г.

³⁶ См.: *Сафаргалиев М.Г.* Распад... С. 80.

³⁷ Содержание Тайбугидской легенды приводится по тексту Погодинского летописца: ПСРЛ. М., 1987. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. С. 129–130. Попытку М.Г. Сафаргалиева отождествить Ходжу с тюменским ханом Хаджи-Мухаммедом, Мара – с его сыном Махмутеком, а Абалака – с ханом Ибаком (см.: *Сафаргалиев М.Г.* Распад... С. 474–476), следует признать неубедительной.

³⁸ СГГД. М., 1819. Ч. 2. С. 32. На основании этой фразы в исторической литературе утвердилось мнение, будто Муртаза, отец хана Кучума, являлся сыном Ибака. Однако, согласно имеющимся татарским родословиям, никто из многочисленных сыновей Ибака такого имени не носил. В свою очередь Г.Ф. Миллер, опираясь на сведения Абулгази, указывал, что Муртаза-хан был сыном не Ибака, а его брата Маамута (см.: *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 197). Под Маамутом, очевидно, следует понимать брата Ибрагима-Ибака, называемого в русских источниках Мамуком.

³⁹ Подробно о нем, а также о ермаковском атамане Иване Грозе, о нем пойдет речь ниже), см. в помещенной в настоящем сборнике статье Н.И. Никитина.

⁴⁰ Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. (История Сибири: Первоисточники. Вып. VI). Новосибирск, 1996. С. 296.

⁴¹ См.: Там же. С. 295.

⁴² См.: ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33: Холмогорская летопись. Двинской летописец. С. 131; ПСРЛ. М., 1994. Т. 39: Софийская первая летопись по списку И.Н. Царского. С. 170–171; Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1967. С. 27–28.

⁴³ См.: ПСРЛ. Т. 39. С. 172.

⁴⁴ См.: ПСРЛ. Т. 37. С. 99.

⁴⁵ См.: Там же. С. 98; Хрестоматия по истории СССР. С древнейших времен до конца XV века. М., 1960. С. 599–600; Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 29.

⁴⁶ О городе Сибири, который источники именуют также Искером и Кашлыком, см.: *Белич И.В.* Сибирь – Кашлык – Искер // Культурное наследие Азиатской России: Мат-лы I Сибиро-Уральского ист. конгресса. Тобольск, 1997. С. 72–73; *Зыков А.П.* Городище Искер: исторические мифы и археологические реальности // Сибирские татары: Мат-лы I-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск, 1998. С. 22–24. Следует также отметить, что в исторической литературе князей (беков) из династии Тайбугидов нередко наделяют ханским титулом, а их государство называют Сибирским ханством, что абсолютно неверно.

⁴⁷ См.: *Соболев В.И.* Вознесенское городище – памятник сер. II тыс. н.э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 179–181.

⁴⁸ См.: *Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьева А.И.* Бараба в эпоху позднего средневековья. Новосибирск, 1990. С. 9. Рис. 6.

⁴⁹ *Герберштейн С.* Записки о московитских делах // Россия XV–XVII вв. глазами иностранцев. Л., 1986. С. 114, 116.

⁵⁰ См.: *Рыбаков Б.А.* Русские карты Московии XV – начала XVI века. М., 1974. С. 22, 68. Рис. 2, 3, 5, 6, 17.

⁵¹ См.: Вычегодско-Вымская... С. 28.

⁵² См.: ПСРЛ. М., 2000. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. (Продолжение). С. 248, 276, 285; Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским. Т. 2. 1533–1560 гг. С. 478–480. *Небольсин П.И.* Покорение Сибири // Тобольский хронограф. Екатеринбург, 1998. Вып. 3. С. 45–46. Взаимоотношения Москвы и Сибири в конце 50-х гг. XVI в. осложнялись тем, что наследники тюменских ханов отстаивали свои права на власть в Зауралье как военным, так и дипломатическим путем, о чем свидетельствует прибытие в 1558 г. к Ивану IV посольства от «сибирского царевича» Муртазы и его старшего сына Ахмад-Гирея (см.: Там же).

⁵³ В 1564 г. от «сибирсково Муртозы царя» прибыло в Москву посольство, возглавляемое Ташкином (Описи Царского Архива XVI в. и Архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960. С. 97). Об Ахмад-Гирее см.: *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 199–201. См. также: *Копылов Д.И.* Ермак. Иркутск, 1989. С. 68–80. Следует отметить, что Д.И. Копылов по недоразумению смешивает отца Кучума Муртазу (полное его имя – Муртаза-Али) с другим татарским «царем» Муртазой, сыном Ахмад-хана, правившим в начале XVI в. в северокавказской Тюмени.

⁵⁴ См.: *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 198–200.

⁵⁵ См.: *Бояришинова З.Я.* Западная Сибирь до начала русской колонизации. Томск, 1960. С. 117.

⁵⁶ См.: *Усманов М.А.* Татарские исторические источники XVII–XVIII вв. М., 1972. С. 45.

⁵⁷ ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. С. 171.

⁵⁸ См.: *Копылов Д.И.* Ермак. С. 81.

⁵⁹ См.: *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 339.

⁶⁰ См.: *Преображенский А.А.* У истоков народной историографической традиции в освещении проблемы присоединения Сибири к России // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 376–384.

⁶¹ См.: ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 51–58, 380.

⁶² См.: Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 8–11, 16–17, 19–26.

⁶³ ПЛДР. XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 550–559.

⁶⁴ Там же. С. 578–581. Разбор этих противоречий см.: *Шашков А.Т.* Сибирский поход Ермака: хронология событий 1581–1582 гг. // Изв. Урал. гос. ун-та. 1997. № 7. Сер. Гуманит. науки. Вып. 1. С. 35–36.

⁶⁵ Данные Ремезовской и Кунгурской летописей положил в основу своих построений Г.Ф. Миллер (см.: *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 214–227 и сл.). Позднее аналогичным образом поступали и др. ученые; см., напр.: *Сергеев В.И.* К вопросу о походе в Сибирь дружины Ермака // ВИ. 1959. № 1. С. 117–129; *Назаров В.Д.* Зауральская эпопея XVI века // ВИ. 1969. № 12. С. 111–113;

Топчий А. Т. К вопросу об освоении Сибири // Средневековая и новая Россия. СПб., 1995. С. 397–402; и др.

⁶⁶ Сибирские летописи. С. 14. В Кунгурской летописи имеется вольный пересказ отрывка из «опальной» грамоты Ивана Грозного, очевидно, попавший сюда из Строгановской летописи через посредство фольклорной традиции (см.: ПЛДР. XVII век. Кн. 2. С. 576).

⁶⁷ Оригинал самой сольвычегодской грамоты не сохранился, однако ее достоверность легко проверяется, ибо другая грамота, дошедшая до нас в подлиннике и аналогичная ей по содержанию, но адресованная только М. Я. и Н. Г. Строгановым и поэтому доставленная, очевидно, в их пермские вотчины, была обнаружена в строгановском архиве и опубликована в XVIII в. еще Г. Ф. Миллером. Впоследствии она неоднократно переиздавалась (см., напр.: ДАИ. Т. 1. С. 184–185; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. Прил. С. 342–343; Копылов Д. И. Ермак. С. 232–234; Андреев А. Строгановы. М., 2000. С. 245–247).

⁶⁸ См., напр.: ДАИ. Т. 1. С. 183; Введенский А. А. Торговый дом XVI–XVII вв. Л., 1924. С. 62–64; Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. Прил. С. 341–342; Копылов Д. И. Ермак. С. 230; Андреев А. Строгановы. С. 244–245.

⁶⁹ Сибирские летописи. С. 11–13.

⁷⁰ См.: Дворецкая Н. А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // ТОДРЛ. М., Л., 1957. Т. 13. С. 487, 481; Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII в. Свердловск, 1965. С. 128–134; Резун Д. Я. У истоков историографии сибирского города XVII в. // Изв. Сиб. отд-ния АН СССР. 1975. № 1. Сер. обществ. наук. Вып. 1. С. 95–96; и др.

⁷¹ См.: Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция... С. 37–60.

⁷² См.: Ромодановская Е. К. Погодинский летописец. (К вопросу о начале сибирского летописания) // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 18–59.

⁷³ См.: Шашков А. Т. Погодинский летописец и начало сибирского летописания // Проблемы истории России: от традиционного к индустриальному обществу. Екатеринбург, 1996. С. 116–161.

⁷⁴ Помимо издания 1907 г. (см.: Сибирские летописи. С. 271–295), текст Погодинского летописца воспроизводился еще трижды: ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 129–137 (в дальнейшем цитаты в тексте настоящей статьи, помимо особо оговоренных случаев, приводятся по этому изданию); Летописи сибирские. Новосибирск, 1991. С. 57–104 (здесь приведен параллельный перевод на современный язык, выполненный Е. И. Дергачевой-Скоп); Андреев А. Строгановы. С. 418–442 (здесь перепечатан текст издания 1907 г., названный почему-то «Есиповской сибирской летописью», которая была «составлена в 1636 году Соввой (так! – А. Ш.) Есиповым, дьяком Сибирского митрополита (так! – А. Ш.)»).

⁷⁵ См.: Сибирские летописи. С. 9–10; Введенский А. А. Торговый дом... С. 62.

⁷⁶ Введенский А. А. Торговый дом... С. 62.

⁷⁷ Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция... С. 141–142, 167.

⁷⁸ Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. 1. Прил. С. 342; ср.: Сибирские летописи. С. 14–15.

⁷⁹ См.: *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 179–183.

⁸⁰ [*Коялович М.*] Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию (осада Пскова) и дипломатическая переписка того времени, относящаяся главным образом к заключению Запольского мира (1581–1582). СПб., 1877. С. 253.

⁸¹ *Сергеев В.И.* Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // *Актуальные проблемы истории СССР*. М., 1976. С. 29–30.

⁸² См.: *Разрядная книга 1475–1598 гг.* С. 315–316; *Разрядная книга 1550–1636 гг.* М., 1975. С. 322–324.

⁸³ См.: *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 139–141.

⁸⁴ Ср. известие Кунгурской летописи о том, что именно «августа з 29 числа» казаки «здумали бежать в Сибирь» (ПЛДР. XVII век. Кн. 2. С. 575).

⁸⁵ См.: Там же.

⁸⁶ Там же. Зимовка Ермака на Сылве отразилась также в местных преданиях (см.: *Блажес В.В.* Ермаковские предания XVII в. в составе Кунгурской летописи // *Вопросы русской и советской литературы Сибири*. Новосибирск, 1971. С. 42–45).

⁸⁷ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. Прил. С. 341.

⁸⁸ *Введенский А.А.* Торговый дом... С. 63–64.

⁸⁹ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. Прил. С. 342.

⁹⁰ ПЛДР. XVII век. Кн. 2. С. 575–576.

⁹¹ *Скрынников Р.Г.* Сибирская экспедиция... С. 162–163. О пребывании ермаковцев во владениях Н.Г. Строганова сообщается также в Лихачевской редакции Есиповской летописи и в «Истории Сибири» С. У. Ремезова (см.: ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 120; ПЛДР. XVII век. Кн. 2. С. 551).

⁹² ПЛДР. XVII век. Кн. 2. С. 575.

⁹³ *Разрядная книга 1475–1598 гг.* С. 340.

⁹⁴ *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. Прил. С. 343–344.

⁹⁵ Традиционно это место, расположенное в 12 км от Нижнего Тагила, именуют «Ермаковым городищем». Неоднократно здесь проводились археологические исследования, позволяющие утверждать, что «городище сооружено отрядами, шедшими вслед за Ермаком» (*Сериков Ю.Б.* Некоторые проблемы изучения сибирского похода Ермака (по материалам археологических раскопок) // *Памятники истории, археологии и архитектуры Сибири*. Новосибирск, 1989. С. 34).

⁹⁶ На основании известия Кунгурской летописи принято считать, что «ясачный поход» на Белогорье возглавлял Богдан Брязга, которого на самом деле уже не было в живых. На «отамана Никиту», погибшего во время этого похода, указывает ранняя редакция Синодика Ермаковым казаком (ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 380). В Строгановской летописи также говорится, что «в том хождении погании убиша под городки своими на приступе атамана Никиту Пана с его дружиною» (Сибирские летописи. С. 28–29).

⁹⁷ Имя Матвея Мещеряка, руководившего вылазкой, называет Строгановская летопись (см.: Сибирские летописи. С. 35).

⁹⁸ Эпизоды об уходе на Русь казаков Матвея Мещеряка и о возвращении некоторых из них на Карачин остров реконструируются на основании данных Строгановской и Кунгурской летописей, восходящих к рассказам очевидцев.

⁹⁹ Весной 1585 г. часть мещеряковцев сумела добраться до волжских берегов. Впоследствии «атаман Матюша Мещеряк» вместе с Богданом Борбошей воевал с ногаями. В конце октября 1586 г. самарский воевода князь Г. Зубок Засекин предательски захватил Мещеряка и нескольких его товарищей, после чего их в присутствии ногайских послов казнили (см.: *Карпов А.Б.* Уральцы. Уральск, 1911. С. 73–75, 80–81, 855–859).

¹⁰⁰ См.: Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 363, 365. Следует отметить, что именно доставка в Москву Маметкула, которого не знавшие подробностей русские современники первоначально воспринимали как самого сибирского «царя», стала в их глазах знаковым событием. Так, соловецкий старец Петр Ловушка, составитель одного из монастырских летописцев этого времени, сделал по горячим следам следующую запись: «Того же году (7093, т.е. 1585. – *А.Ш.*) привели к Москве ко государю казаки донские и вол[ж]ские, Ермак с товарищи, сибирского царя, и землю ево со всеми людьми себирскими взяли и ко государю в повенение привели» (*Корецкий В.И.* Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г.: В.Н. Татищев и изучение русского летописания. М., 1981. С. 240).

¹⁰¹ *Преображенский А.А.* Русские дипломатические документы второй половины XVI в. о присоединении Сибири // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 388.

¹⁰² *Миллер Г.Ф.* История Сибири. Т. 1. С. 267–270.

¹⁰³ Там же. Прил. С. 344–345.

¹⁰⁴ См.: РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стлб. 200–202.

¹⁰⁵ См.: Сибирские летописи. С. 39–43.

¹⁰⁶ ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 141.

¹⁰⁷ См.: Материалы по истории Татарской АССР. Писцовые книги города Казани 1565–1568 гг. и 1646 г. Л., 1932. С. 9, 27, 40.

¹⁰⁸ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 390.

¹⁰⁹ См.: *Шаиқов А.Т.* К истории возникновения в конце XVI в. первых русских городов и острогов на восточных склонах Урала // Уральский сборник: История. Культура. Религия. Екатеринбург, 1997. С. 176.

¹¹⁰ Там же. С. 176–177.

¹¹¹ См.: *Оборин В.А.* Заселение и освоение Урала в конце XI – начала XVII в. Иркутск, 1990. С. 110–111.

¹¹² Тобольский архиерейский дом в XVII веке. (История Сибири: Первоисточники. Вып. IV). Новосибирск, 1994. С. 183.

¹¹³ См.: *Шаиқов А.Т.* К истории основания Березова и Пельима // Культурное наследие российской провинции: История и современность. К 400-летию г. Верхотурья. Екатеринбург, 1998. С. 250–253. В литературе не раз высказывалось мнение, что первый русский острог на месте будущего Березова появился за несколько лет до прихода сюда отряда Н.В. Траханиотова. Последнюю по времени версию на этот счет выдвинула Н.А. Миненко: согласно ее утверждению, еще до строительства Обского городка И. Мансуров, пытаясь в конце лета – начале осени 1585 г. догнать ушедших «на Русь» ермаковцев, «спустился по

Иртышу в Обь, а затем вниз по Оби. Выяснилось, что казаки и стрельцы успели уйти «за Камень». Воевода решает повернуть обратно и по пути, на притоке Оби – Северной Сосьве, на месте хантыйского города Сугмут-Ваш (Березовый городок), основал город Березов» (*Миненко Н. Хождение за «Камень». Начало Азиатской России: новая версия // Родина. 2000. № 5. С. 70–71*). Однако никакими источниками эта версия не подтверждается.

¹¹⁴ См.: Древний город на Оби: История Сургута. Екатеринбург, 1994. С. 87–100.

¹¹⁵ См.: *Шапков А. Т.* К истории основания Обдорского острога // Проблемы истории местного управления Сибири конца XVI–XX веков: Мат-лы Третьей региональной науч. конф. Новосибирск, 1998. С. 10–16.

Н.И. НИКИТИН

СОРАТНИКИ ЕРМАКА ПОСЛЕ «СИБИРСКОГО ВЗЯТЯ»

«Покорение Сибири» – одно из самых героических и вместе с тем самых драматических и загадочных событий нашей истории. Как известно, из 540 волжских казаков, отправившихся в поход на хана Кучума, вернулись «на Русь» лишь около ста человек. В большинстве своем они вскоре вновь оказались за Уралом – в составе царской рати воевод В. Сукина и И. Мясного – и навеки связали свою судьбу с новоприобретенной Сибирью. Сподвижники Ермака вместе с другими ратными людьми приняли участие во всех событиях, завершивших главное дело жизни их погибшего атамана: «ставили» в Зауралье первые русские города-крепости, добывали остатки Кучумова войска, приводили в российское подданство новые племена и народы.

«Государева служба» разметала «ермаковых казаков» по разным гарнизонам Сибири, комплектовавшимся в основном путем перевода воинских подразделений из Европейской России и набора «вольных гулящих людей» на местах. Но, растворившись среди служилого населения «новой государевой вотчины», свою роль первопроходцев участники «Сибирского взятия» хорошо понимали, и не только сами, но и их дети и внуки не упускали случая отметить ее в челобитных на царское имя, если таковые доводилось подавать, и именно благодаря этим челобитным мы имеем возможность выделить ермаковых казаков из общей массы служилого населения Сибири и достаточно полно проследить судьбу хотя бы некоторых из них. Впрочем, полнота таких сведений